

И
Л

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Костас
Варналис

Дневник
Пенелопы

4
A

ΚΩΣΤΑ ΒΑΡΝΑΛΗ

ΤΟ ΗΜΕΡΟΛΟΓΙΟ ΤΗΣ ΡΗΝΕΛΟΠΗΣ

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Костас Варналис

Дневник Пенелопы
(1193 до н. э. — ?)

Повесть

*Перевод с греческого
Т. Кокуриной и М. Грандаса
Предисловие и комментарий
Виктора Соколова*

Москва
«Известия»
1983

И (Греч)
В18

Главный редактор Н. Т. Федоренко

- В18 **Варналис К.**
Дневник Пенелопы (1193 до н. э. — ?) /
Пер. с греческ. Т. Кокуриной и М. Транда-
са. Предисл. и коммент. В. Соколюка. —
М.: Известия, 1983. 128 с. (Библиотека
журнала «Иностранная литература»)

Используя один из самых известных древнегреческих мифов о добродетельной супруге Одиссея Пенелопе, Костас Варналис создает беспощадную сатиру на современное буржуазное государство, нещадно бичует его уродства и пороки, обнажает человеконенавистническую сущность фашистской Диктатуры.

В 4703000000-043 733-83
074(02)-83

ББК84.4Гр
И (Греч)

© Составление, предисловие, перевод на русский язык издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1983.

Пенелопа в зеркале сатиры

Кто не помнит знаменитую гомеровскую Пенелопу, образец семейной добродетели, символ супружеской верности и благородства... На страницах повести «Дневник Пенелопы» крупнейшего греческого писателя современности Костаса Варналиса мы встречаемся с совершенно иной героиней, точнее, с прямой противоположностью классической Пенелопы. Полемизируя с консервативной идеализацией древности, писатель-сатирик развенчивает в повести миф о добродетели и верности Пенелопы. Вместе с тем на знакомой мифологической канве (через описание порядков на Итаке во время Троянской войны) К. Варналис создает вполне реальную картину современного буржуазного государства, нещадно бичуя его уродства и пороки.

В творчестве К. Варналиса, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1958), получили развитие лучшие прогрессивные традиции новогреческой литературы. Писатель открывает в ней новый этап — этап революционной поэзии и прозы. Его литературно-критические статьи и эстетические очерки заложили основы материалистической эстетики в Греции. В литературе К. Варналис дебютировал в 1905 году поэтическим сборником «Соты». Под влиянием Октябрьской революции в России и развития национального рабочего движения писатель эволюционирует к марксизму, решительно отбрасывая идеалистические идеи. Социальная тематика становится определяющей в лирической драме-феерии «Испепеляющий свет» (1922), поэтической книге «Осажденные рабы» (1927), сатирических повестях «Народ скопцов» (1923), «Подлинная апология Сократа» (1931).

В 1934 г. К. Варналис принимает участие в работе I съезда советских писателей, встречается с М. Горьким, знакомится с жизнью в Советской стране. «Так исполнилась мечта моей жизни, — пишет он вскоре после возвращения на родину, — посетить Советский Союз, поближе познакомиться с этой великой страной, чья революция оказала такое глубокое влияние на мое мировоззрение и творчество». Писателя неоднократно лишали работы, заключали в тюрьму, отправляли в ссылку за его революционные взгляды и книги, проникнутые пафосом борьбы против социальной несправедливости. Но никакие испытания не смогли поколебать страстной коммунистической убеж-

денности К. Варналиса, его верности делу трудового народа.

В послевоенные годы писатель публикует сборник памфлетов «Диктаторы» (1956), поэтическую книгу «Свободный мир» (1966), драму «Аттал III» (1972) и другие произведения, в которых с особой силой звучат протест против войны и насилия, призыв к революционной ломке несправедливого социального строя. Обличая на богатом общественно-историческом материале пороки буржуазного мира, К. Варналис утверждает веру в торжество правды и свободы. В 1975 г. посмертно вышла его книга «Гнев народа».

Писать повесть «Дневник Пенелопы» К. Варналис начал в 1942 г., в самый мрачный период итало-германской оккупации Греции. Книга была опубликована в 1946 г., когда фашистская оккупация сменилась английской интервенцией; могучее национально-освободительное движение в стране было предано и подавлено, и Греция стояла на пороге кровопролитной гражданской войны, спровоцированной монархо-фашистами при поддержке англичан. В условиях разгула реакции и массового террора публикация «Дневника Пенелопы» была смелым шагом. Предвидя яростные нападки буржуазно-националистической критики на свою книгу и обвинения в «глумлении над культурным наследием нации», К. Варналис так определил в предисловии специфику повести и свое отношение к мифологической древности: «Если же эти доброжелатели принимают сказку за быль, то почему бы и мне не сделать сказку былью? И если они, историографы, мифологизируют историю, то почему бы и мне, писателю-фантасту, не превратить мифологию в историю?»

Мифологизируя события недавнего прошлого, воссоздавая традиционный сюжет в современной ему исторической ситуации, К. Варналис не просто переосмысливает мифологический материал, а буквально «выворачивает его наизнанку»: появляются антигерои, антиситуации и даже антимораль! Читателям «Дневника Пенелопы» приходится учитывать эту «перевернутость» изображения.

Жестокая и властная Пенелопа в садистском экстазе истязает своих рабов, оргии которых ничуть не хуже оргий, устраиваемых самой повелительницей Итаки. Похотливая Елена шантажирует и соблазняет юного стыдливого Париса. Греческие военачальники оказываются шайкой авантюристов. Даже Нестор, мудрейший царь Эллады, изображен в повести как первейший разбойник греческого войска.

Отвергая традиционную «эстетизацию» мифа, предлагая свои мотивировки мифологических событий, К. Варналис весьма свободно обращается с гомеровским сюжетом. Он не только раздвигает

его рамки, развивая во времени и пространстве, но наполняет его современными реалиями и атрибутами, в частности, церковно-религиозными, вводит новых персонажей.

Впрочем, ломая освященные традицией каноны и представления, К. Варналис все же остается верен мифологии. Будучи великолепным знатоком античности, писатель не просто легко оперирует мифологическим инструментарием. Он предельно точен в генеалогии мифологических персонажей, прямо-таки скрупулезно воспроизводит многие мифологические детали и сюжетные подробности. Кроме того, «Дневник Пенелопы» в определенном смысле можно рассматривать как одну из версий мифа. Ведь в античной мифологии образ Пенелопы был далеко не однозначным. Так, писатель исходит из того нетрадиционного варианта мифа, где Пенелопа не добродетельная героиня, достойная уважения и почитания, а «пьянствующая вакханка в лисьей шкуре» (так ее характеризовал греческий писатель III в. до н. э. Ликофрон в своей поэме «Александра»). Именно эта версия приписывает Пенелопе незаконного ребенка Пана — сына от всех женихов. Рассказывая о причине Троянской войны, К. Варналис опирается не на гомеровскую, а на ту версию мифа, по которой Елена сама бежала от Менелая с Парисом. Да и образ Одиссея, каким его рисует Пенелопа на страницах своего дневника, имеет под собой вполне реальную основу. В античной трагедии (сначала у Софокла, а затем у Еврипида) этот гомеровский находчивый храбрец становится лживым и безразличным человеком.

Едкая сатира греческого писателя, в которой читатель наверняка уловит интонации, сходные с язвительными интонациями Д. Свифта и А. Франса, имеет глубокие национальные корни. К. Варналис прежде всего опирается на традиции народной «смеховой» культуры, восходящей к древним празднествам Диониса. Нетрудно заметить и созвучность обличительной манеры писателя, в которой сарказм, гротеск, карикатура, ирония, насмешка, шарж, пародия сливаются в удивительной силы сплав, с сатирическим пафосом комедий Аристофана, где в откровенно карикатурной форме высмеивались уродства общественной жизни.

Не будет преувеличением сказать, что обращение К. Варналиса к мифу не только не случайно, но, пожалуй, закономерно. Ведь новогреческой литературе, как никакой другой, свойствен обостренный интерес к античной мифологии. Это объясняется не только богатыми литературными традициями, но и тем, что в новогреческой литературе древнегреческая мифология чувствует себя «по-домашнему». Ее использование лишено того оттенка экзотики и учености, который нередко

присутствует в западноевропейских литературах. Следует помнить и о том, что насыщенность художественных произведений мифологическими образами и мотивами не усложняет восприятия греческого читателя, не вызывает у него ощущения книжности повествования, его нарочитой интеллектуализации или архаичности. Происходит это потому, что сконденсированные и трансформированные в новогреческом фольклоре, к примеру в народных песнях, образы и сюжеты античной мифологии благодаря народной памяти в Греции до сих пор сохраняют вполне конкретное наполнение.

Лишь принимая во внимание богатые фольклорные и литературные традиции, можно понять, почему К. Варналис, впрочем, как и другие греческие поэты и прозаики (К. Кавафис, Г. Сеферис, Н. Казандзакис, Я. Рицос), столь свободно оперирует мифологическими элементами и мотивами, не боясь тем самым ограничить круг своих читателей и, оторвавшись от реальной действительности, пойти по пути формалистического трюкачества.

Миф в «Дневнике Пенелопы» — не просто повествовательная оболочка, не только инструмент композиционной организации материала, но еще и иносказание с «универсальной» широтой и остротой обобщения. Миф помогает писателю раскрыть во всей глубине непреложную истину: в обществе социальной несправедливости, рожденном вместе с человеческой историей, власть имущие, носители господствующих идей, вдохновители и участники захватнических войн, не могут быть героями, выразителями положительных идеалов.

«Ее (Пенелопы. — В. С.) поступки, мысли и ж и з н ь, — пишет К. Варналис в предисловии, — это, так или иначе, мысли и поступки всех господ, сидящих на шее у своих народов, как бы они ни назывались и какие бы времена ни оскверняли своим присутствием».

Излюбленный прием Варналиса-сатирика — «саморазоблачение» героев. Не случайно для своей повести он избирает форму дневника-исповеди, позволяющего изложить все с предельной непосредственностью и, следовательно, как нельзя лучше обнажить подлинное лицо сильных мира сего.

Читая дневник самой царицы, читатель как бы обзревает происходящее с высоты царского престола. Ему открывается вся бездна грязи и пороков, в которых утопает общество, основанное на лжи, насилии, предательстве. В этом обществе религия и собственническая мораль лицемерно прикрывают порабощение трудового народа, а продажное искусство служит тому, кто больше заплатит. Высший закон царской власти — полнейшее беззаконие. Для Пенелопы, этой жес-

токой и лживой, коварной и развратной женщины, нет ничего святого, кроме собственной корысти. Она стремится оболванить народ, превратить его в безликую толпу, а из страны сделать монастырь, где обитатели безоговорочно подчиняются воле настоятеля. Философия Пенелопы состоит в том, чтобы «умные и сильные жили за счет дураков и слабых».

Да, толпа, изображенная в первых главах повести, инертна, бездумна и забита. Только сожаление могут вызвать пьянствующие рабы в главе «Без kota мышам раздолье», покорные Пенелопе итакийцы, или ахейцы, поддавшиеся речам Менелая и ринувшиеся в поход за легкой добычей. Но тем не менее дух непокорности и свободолюбия в народе не погас. Его воплощением становится Терсит, единственный положительный герой в повести (напомним, что в гомеровской «Илиаде» это практически единственный отрицательный герой). Он бесстрашно клеймит позором Пенелопу и архонтов на народном собрании, с горечью и болью говорит о рабском положении народа, но уверен, что придет час и народ поднимется на борьбу против ненавистных угнетателей.

И хотя Терситов преследуют и убивают ищейки Пенелопы, повелительница Итаки не может удержать презираемый ею народ в повиновении. И тогда на помощь Пенелопе приходит лже-Одиссей. Одряхлевшая царская власть сменяется фашистской диктатурой. Одиссей-самозаанец — гротескная фигура диктатора в чистом виде. «Я решил стать родоначальником нового типа сверхчеловеков-авантюристов: диктаторов, — цинично заявляет лже-Одиссей. — Я приколочу землю гвоздями, чтобы она не вертелась: только так она сможет процветать. Никто не будет ни думать, ни говорить, ни желать... Я превращу его (царство. — В.С.) в рай. С помощью страха и убийств...» Сама диктатура говорит о себе. Государство, построенное на ужасах и крови.

Лже-Одиссей не просто символ диктатуры, за ним стоит конкретное историческое лицо — генерал Метаксас, рьяный поклонник Гитлера, совершивший в августе 1936 г. фашистский переворот в Греции. Диктатор ликвидировал самые элементарные политические свободы, запретил коммунистическую, а вслед за ней и другие политические партии, обрушил жестокие репрессии на демократически настроенных греков. Неудобных режиму людей бросали в тюрьмы, отправляли в концлагеря на пустынных островах, созданные по гитлеровскому образцу. Метаксас, подобно Гитлеру, придавал большое значение театрализованной пропаганде фашистских идей. В своих бесконечных речах генерал разжигал националистические страсти, объявлял себя

«отцом нации» и основателем третьей греческой цивилизации * (в повести — «третья итакийская цивилизация») по образцу третьего рейха Гитлера.

В демагогических воззваниях к итакийцам лже-Одиссей, новоиспеченный «отец нации», умело манипулирует сознанием масс, ловко играет на настроении толпы, чувствительной к лести.

И так поступает не один лже-Одиссей. Собираясь в поход на Трои, Агамемнон и Менелай разжигают в сердцах ахейцев жажду наживы и ненависть к далеким троянцам. Создается расовый миф для оправдания захватнической войны. Обещая своему воинству обильные блага, Менелай оправдывает будущие убийства, истязания невинных, разрушения городов, говоря, что те, кого они будут убивать, неполноценны. Показывая механизм возникновения политических мифов, К. Варналис предупреждает о той большой опасности, которую они в себе таят, еще раз напоминает о том, что именно фашизм пытался реализовать идею социального тоталитарного мифа.

Антивоенный пафос — неотъемлемая часть гуманистической эстетики греческого писателя. В одной из лучших глав книги «Гомер» на примере Троянской войны К. Варналис убедительно раскрывает логику и вместе с тем абсурдность всякой захватнической войны, клеймит позором тех духовных лакеев господствующего класса, которые в угоду своим хозяевам объявляют войну «праздником молодости», скрывая за высокопарной фразой страшную правду. Войны, утверждает писатель, — спутницы всякого деспотизма. Они будут существовать в мире до тех пор, пока будет существовать деспотизм.

В очень емкой по содержанию 12-й главе повести К. Варналис описал подлинные события, происходившие в Греции в период второй мировой войны (война между Волками — итало-германскими фашистами и Шакалами — англичанами). Мифологический план изображения здесь почти полностью вытеснен историческим. И хотя в «Дневнике Пенелопы» эта глава названа «Сказкой», на самом деле это иносказательный памфлет. Писатель рассказывает об оккупации своей родины фашистами, об измене королевского двора, трусливо бежавшего в Египет на английских кораблях, о преступном сотрудничестве власть имущих как с первыми «освободителями» (Волками), так и со вторыми (Шакалами), о всенародном отпоре врагу.

Пенелопу пугает не нашествие Волков — хищного, кровожадного

* Официальной философией диктатуры Метаксаса стала националистическая теория «триединой Греции» (античная Эллада — Византия — современная Греция), напоминавшая нацистские мифы об «истинно арийской расе».

племени, — а народ, поднявшийся на защиту родины: «Народ... дрался как лев... Он воевал за то, чтобы изгнать и чужеземных грабителей, и местных. И таким образом обрести и землю, и родину, И богов, и предков — и свою свободу. Неблагодарный!» Поднявшись на борьбу против Волков, Пенелоп, лже-Одиссеев, народ стремится создать свое свободное государство.

И здесь писатель не грешит против истины. Созданная под руководством Компартии Греции партизанская народно-освободительная армия ЭЛАС к середине 1943 г. освободила значительную часть территории страны. В Свободной Греции создавались органы самоуправления (национальные советы, выборные суды, народная милиция), открывались школы и детские сады. Такое развитие событий повлекло за собой усиление террора со стороны оккупационных властей: участились поджоги деревень, особенно тех, откуда уходили партизаны, расстрелы заложников и пленных. В ответ на это огонь партизанской войны только ярче разгорался. Ряды Сопротивления росли и крепились. Осенью 1944 г., используя благоприятную обстановку, сложившуюся в результате наступления советских войск в Румынии и Болгарии, ЭЛАС полностью очистила страну от фашистских оккупантов.

Греции, однако, не суждено было избавиться от иноземного ига. В октябре 1944 года под предлогом освобождения страны от фашистских захватчиков в стране высадились английские войска. Новые «освободители» (Шакалы), на которых были возложены жандармские функции, сумели силой оружия сломить сопротивление народной армии ЭЛАС. Терситы, боровшиеся за освобождение Итаки от волчьего племени, были объявлены предателями, брошены в тюрьмы, сосланы в концлагеря. К власти опять пришла Пенелопа (имеется в виду эмигрантское правительство). В стране началась кровавая вакханалия террора. Итака (Греция) — на пороге гражданской войны. Недаром национальным гимном Итаки, где царствует (пока еще царствует) Пенелопа, становится песня:

И то душе моей отрада,
Что грудь любой из нас тайком
Нальется завтра страха ядом,
Неволи горьким молоком *.

Повесть заканчивается словами, сказанными не Пенелопой, а самим Варналисом: «На этом кончается Сказка, но всякий конец является

* Перевод А. Величанского.

в то же время и началом». И за этими словами — вера в новое будущее Греции.

«Дневник Пенелопы» — не только история, но и предостережение писателя, выдающегося борца за мир, страстно желавшего уберечь человечество от ужасов фашизма. Беспощадная сатира повести была особенно актуальной в Греции в годы «черного семилетия» (1967—1974), когда страной правила военно-фашистская хунта. Она не потеряла своей актуальности и сегодня. Ведь фашистские режимы существуют и по сей день в Чили, Сальвадоре, Парагвае, Южной Корее...

К. Варналис имел все основания полагать, что «разоблачения, относящиеся к прошлому, помогут читателю разглядеть некоторые скрытые от него стороны настоящего». Впрочем, не только разглядеть, но и глубже осознать свой первейший гражданский долг — сделать все для того, чтобы предотвратить угрозу новой войны, чтобы навсегда искоренить из человеческой жизни деспотизм и насилие.

Виктор Соколюк

Дневник Пенелопы
(1193 до н. э . — ?)

От автора

Некоторые писатели — так бывало в древности, бывает и теперь, — и великие, и малые, имеют обыкновение приписывать свои произведения более знаменитым, а то и просто вымышленным собратям.

Вот и я предлагаю сегодня историю Пенелопы *, написанную будто бы собственной рукой царицы Итаки и Добродетели.

Может возникнуть сомнение: как могла Пенелопа написать свою историю, если ее не было на свете? И самый трудный вопрос: каким образом она ее писала, если в то время еще не было письменности?

Однако поклонников старины и истинных патриотов такие пустяки не смущают. Они будут рвать на себе одежды, вопя, что я глумлюсь над памятью Идеальной женщины и предательски шельмую «великое национальное сокровище», а на самом деле — просто тень.

Если же эти доброжелатели принимают сказку за быль, то почему бы и мне не сделать сказку бльью? И если они, историографы, мифологизируют историю, то почему бы и мне, писателю-фантасту, не превратить мифологию в историю?

Впрочем, они имеют полное право негодовать. Только не раскрывают истинной причины своего негодования. Они знают, что дела, мысли и жизнь Пенелопы — выдумка. Однако ее поступки, мысли и жизнь — это, так или иначе, мысли и поступки всех господ, сидящих на шее у своих народов, как бы они ни назывались и какие бы времена ни оскверняли своим присутствием. Тебе можно, господин, в течение пяти лет четырежды не без выгоды предать свой народ четырем захватчикам. Но упаси боже хоть раз предать Миф!

Должен заметить, что между двумя великими гомеровскими эпосами и тем, что рассказывает в своем дневнике Пенелопа, — множество расхождений. У Гомера, например, говорится, что, отправляясь в путь, Одиссей оставил Телемаха грудным младенцем. А его мать пишет, что ему было уже около пяти лет. У Гомера Одиссей снарядил и повел в поход двенадцать кораблей. Жена же его утверждает, будто кораблей было вдвое больше. Иначе и быть не могло. Если уж Мегес, царек Петаласа, внук Авгия (только ли у него был навоз?) взял с собою сорок кораблей, то как мог великий Одиссей, власть

* Объяснение мифологических имен смотри в конце книги.

которого распространялась почти на все Ионические острова и большую часть Румелии, взять с собою только двенадцать? Он был достаточно умен, чтобы сообразить: чем больше кораблей у него будет, тем больше добычи ему достанется.

У Гомера говорится, что Одиссей скитался на чужбине двадцать лет и, вернувшись, убил женихов Пенелопы. «Дневник» же охватывает не более двенадцати лет. И в нем вообще не говорится, вернулся ли Одиссей когда-нибудь. В то же время в «Дневнике» сказано, что на Итаку явился какой-то лже-Одиссей, который не стал убивать женихов, а поладил с ними и женился на «вдове».

По преданию, однажды на Итаку приехал внебрачный сын Одиссея и волшебницы Кирки — Телегон. Он убил своего отца и женился на Пенелопе. Случай не такой уж необычный в жизни «сверхчеловеков». Но в книге об этом нет ни слова — возможно, Пенелопа престо не успела об этом написать.

«Дневник» Пенелопы — скорее ее исповедь. В нем она называет все своими именами. А это как раз и свидетельствует о том, что она не имела намерения публиковать этот свой «духовный вклад» в героическую культуру того времени. Если же я и предаю его теперь широкой огласке и предлагаю своему народу, многострадальному и многоопытному, пусть простит мне священная тень нашей великой Госпожи и Повелительницы!

Отъезд

Первое апреля! Как во сне. Не верится. И все-таки он действительно уехал. Только что. У меня все еще шумит в голове, и кажется, будто остров вертится, как мельничный жернов. Уехал! Да помогут мне боги и прежде всего — богиня Добродетели.

Вот уже целый час сижу я с гусиным пером в руке. Чернила десять раз высохли на его кончике. Никогда прежде я этим не занималась. Писать? Не писать? О чем? И как?

Я убита горем и опустошена. Для собственного утешения и чтобы хоть как-то заполнить свою жизнь, буду вести эти записи. Стану ли писать регулярно? Да, я их закончу! Но прочту ли их когда-нибудь Одиссею? Уф! Этой болезнью я заразилась от него: делить ничто на множество частей!

С сегодняшнего дня передо мною раскрывается новый мир. Творцом этого мира и его вождем буду я одна. Писать-то каждый может, действовать куда труднее.

Оставил он меня, молодую женщину, с капризным ребенком на руках. И даже не поцеловал, чтобы не показать-де слабость перед низшими. Да он и дома меня никогда не целовал! Всегда прямехонько к делу. Стоя на носу отчаливающего корабля, махнул мне своей волосатой ручищей, отвернувшись в другую сторону. Кто-кто, а уж он-то знает женщин! Высокий и черный, словно каменные дубы на горе Петалейко, босой, с голыми руками, он заполнял собою небо и морской простор. Казалось, будто небесный купол вместе с солнцем и духами держится на его мощной шее! Он весь утопал в рыжей бороде и нестриженных волосах, в густых бровях. А громовые

раскаты голоса вырывались из его груди, подобно звону меди из пещеры Корибантов.

Его называли «грозой людей». Но особенно страшным был он сегодня, когда его обнимало и уносило с собою великое солнце.

О Весна, никогда еще не была ты столь сладостной. Даже в тот день, когда я впервые сказала ему «да», а он так стиснул мою девичью ручку своей лапищей, что я вскрикнула от боли! И никогда прежде не горели так мои щеки, не подгибались колени, как сегодня, когда он не прикоснулся ко мне, не поговорил со мной, даже не взглянул на меня!

Благоухали в садах и на изгородах гиацинты и душистый горошек, а на обрыве — сосны, бессмертники, чабрец и душица. Благоухало море, когда его волны вскипали под веслами и килями кораблей. Благоухали морские водоросли и песок, вздымаемые тросами и цепями. Благоухали новые корабли смолой, дегтем и свежей краской. И все же более опьяняюще благоухали в моей памяти его потные ножищи, запах его любви!

Первосвященник закончил освящение и окропил все двадцать четыре корабля, а те подняли якоря и распустили паруса — белые, красные, с и н и е, — суша, море и воздух загудели от радостных песен воинов, звучавших на местных наречиях (итакийском, кефаллийском, закинфском, румелийском, левкадском), от свирелей, труб и щитов, в которые бешено колотили копьями, чтобы заглушить вопли жен, плач детей и стоны матерей.

А когда корабли все разом тронулись от причалов, казалось, будто они тащат за собою Итаку, привязанную, как фелюга, канатами к их кормам. Чайки радостно кружились в вышине и с пронзительным криком стрелою падали в воду за рыбьими головами и кусками хлеба — их бросали с борта пьяные воины и моряки, которые сразу же беспечно накиннулись на еду и выпивку. А гордый Одиссей неподвижно возвышался на носу корабля, огромный, бессмертный и прекрасный, как Идея или как стоящий на задних ногах осел. Эанту кажется, что только он обладает даром быть ослом по молодечеству и упрямству: не отступать перед дубинами и камнями. Мой Одиссей такой

же. И даже превосходит его. Еще бы с десяток таких царей-ослов, и Троянская крепость пала бы не через десять лет (так принято говорить; типун мне на язык!), а через десять дней. И не от оружия, а под ударами копыт!

Утром следующего дня.

Как это я забыла о них! Жаль! Я была просто не в себе! Когда сегодня утром я увидела их, то очень огорчилась!.. Вчера, только он уехал, я вернулась во дворец расстроенная и велела опустить жалюзи на дверях и окнах своей комнаты; забрать с балкона и с подоконников горшки с геранью и базиликом; завесить тюлем зеркала; выгнать Фемию — его песни нам больше не нужны; собрать собак и отправить их к Эвмею на далекую скалу, где растут дикие груши. Все безмолвно, мрачно и уныло вокруг меня и во мне. Не хочу ни видеть, ни слышать никого. Хочу только думать о своем милome. И о самой себе.

Бросившись ничком на кровать, я так сильно зажала ладонями глаза, что даже искры посыпались. Как мне хотелось заплакать! Но я крепилась: боялась, как бы не покраснели глаза и не испортилась кожа, такая бархатистая, что, когда к ней прикасаешься, собственная рука кажется чужой.

Но вот сегодня утром, только первые лучи Феба проникли сквозь жалюзи и, как золотые иглы в мясо, вонзились прямо в них, я наконец увидела их — рога!..

Оленьи, могучие, каждая ветвь — аршин. Я собиралась преподнести их ему на память, чтобы он надевал их в бою и на танцах: в бою — чтобы пугать врагов, на танцах — чтобы другие женщины завидовали мне! Ни у кого не было бы рогов длиннее, чем у него. А теперь и Менелай, и Агамемнон, и все другие уважающие себя доблестные цари будут носить рога, и только у Одиссея их не будет! И в этом будут винить меня. Это невыносимо. Да помогут ему великие боги, и пусть одолжат ему Зевс свои козлиные, а Дионис — свои бычьи.

Перед тем как подарить ему их, когда он вернется, я их позолочу!

Третий день уже я сижу взаперти, в темноте и тишине. Ничего не ем и не пью. Чувствую приятное облегчение и желание потянуться. Только немного шумит в ушах, но сердце бьется ровнее. Снова звучит во мне голос Природы! Слышу, как моя верная Эвриклея с плачем стучится в дверь. Я не отпираю. Старый Лаэрт спрашивает ее, что со мною, но ответа не слышит: он глухой.

Одна. И наконец-то я — это Я. До сих пор я была царицей, но в то же время лишь тенью Одиссея. Невестой, молодой женой, матерью (а матерью я стала через три месяца), я жила у него в пригоршне, как бесцветная травинка, выросшая из-под камня, без солнца и воздуха. Теперь мои глаза уже привыкли к темноте, и я все вижу ясно, в подлинной сущности, свет не мешает мне. Я свободна!

Он забрал меня у матери девчонкой. Однажды он настиг меня в саду и спросил хриплым голосом: «Хочешь?» Я закутала голову пеплосом и зарыдала. На том месте, где падали мои слезы, на другой день поднялась статуя Стыдливости.

Я была наивна, неопытна и очень красива. Но каким бы незрелым ни было мое тело, воображение у меня было более чем зрелым. Оно создавало изумительные миры, краше, чем миры Природы. Зимой и летом я купалась в Эвроте, а мои подруги в изумлении кричали из камышей: «Ты не женщина! Ты мальчик!»

Мое тело было таким отроческим, что, когда я поднимала руки кверху, груди исчезали, как, впрочем, и теперь. Я была гибкая и юркая, как ящерица или ласка. Как мне завидовала моя двоюродная сестра Елена, когда я лежала на песке! У нее тело было белое-белое, пышное и округлое, ленивое и тяжелое — тело восточной султанши. (Теперь, когда прошло столько лет, от родов и любви оно, наверное, отяжелело еще больше.) У меня же тело стройное и смуглое. У нее волосы светлорусые, шелковистые. У меня — черные и густые, словно бы выточенные из эбенового дерева; она выглядела старше своих лет; я — моложе. Леночка — вся материя; Пенелопочка — дух.

В ту пору я с нею не очень-то считалась. Не представляла себе, что эта гусыня, «дочь Лебедея», в один прекрасный день прославится на всю Элладу и на весь мир своими бесстыдными проделками и что столько царей и героев ринутся на край света убивать друг друга из-за нее. Ее называли прекраснейшей женщиной всех веков и времен. Ее превратили в символ и идею. Честь Эллады! Везучая женщина! А вот если бы меня кто-нибудь похитил, то из-за меня наверняка разгорелась бы еще более жестокая война между двумя мирами: Востоком и Западом. И я сделалась бы еще более великим символом, идеей и честью. Только мне такая честь не нужна. Я сделаюсь апофеозом женской мудрости и верности.

Иногда я думаю: вдруг Парис завернул бы сперва на Итаку, прежде чем застрять в Спарте. Тогда наверняка он похитил бы меня, а не Елену. Для сына Приама не составило труда выбрать прекраснейшую среди трех богинь и дать ей золотое яблоко. Еще менее затруднительным для него было бы выбрать красивейшую из нас двоих, то есть Меня!

Но все это я говорю просто так. Не нужна мне такая честь. Я могу поступать дурно, но не делаю этого. Она же не может, а поступает. Слабая воля и слабый ум. Потому и отчаянная. Пусть мир рушится, ей на все наплевать. Вот он и разрушился.

Мой муж тоже страдает из-за нее!

Сегодня я не выдержала. Опять возле моей двери спозаранку плакали Эвриклея и Телемах. «Почему не открываешь? Почему не ешь? Ведь умрешь так! О нас, ладно, не думай. Но о народе? Неужели оставишь его сиротой?» — причитала кормилица.

Я отворила дверь. И весь свет мира обрушился на меня, будто скала. Глаза ничего не различали. Я только слышала, как плачет от радости Эвриклея. А у Телемаха с перепугу отнялся язык. Я протерла глаза и встряхнула головой, чтобы прогнать мрачные тени, скрывающиеся у меня в волосах. И глубоко дышала, будто хотела вобрать в себя свет, краски и беспредельность.

Я взяла поднос с молоком, сливочным маслом и клубникой. Довольно траура и вдовства. У меня есть обязанности перед

родиной! Надо управлять крепкой рукой, чтобы по возвращении он нашел свое царство процветающим...

Эта забота заставила меня запереться на три дня. Думы терзали меня, даже голова разболелась. И еще угнетал какой-то страх. Не сожаление!.. Более всего гнев. Я не хотела говорить об этом. Из гордости. Но не могу вытерпеть. На меня он не взглянул, ничего мне не сказал, не поцеловал меня в день своего отъезда. Перед тем как подняться на палубу корабля, обернулся и шепнул: «Позаботься о Мирто!» Он не думал ни о жене, ни о сыне, ни об отце, ни о царстве. Только о презренной рабыне...

Без кота мышам раздолье

Вчера, в субботу, поздно вечером — я еще заснуть не успела — во дворе поднялся страшный шум. Я прислушалась. Крики, песни, хохот. Гулянка! Я спрыгнула с кровати, накинула хитон, закуталась в пеплос, затянула пояс и с факелом в руке стремительно сбежала с лестницы.

Такого я и представить себе не могла. Во всю длину выложенного плитами двора стоял роскошно накрытый стол, освещаемый сосновыми лучинками в канделябрах. На столе — телячьи окорока, целые поросята на вертеле, головки сыра, выдержанного в оливковом масле, и кадки, из которых поят лошадей, наполненные лучшими винами, которые я берегла и выдерживала для Одиссея...

Слуги и служанки, рабы и рабыни, воины и садовники, пастухи — все пьяные в дым. Они били глиняные кубки и тарелки, сквернословили, пронзительно кричали, целовались. А Фемий, которого я прогнала, тот, что поет лишь живым царям о славе царей усопших, опершись на палку, развлекал этих скотов «Славными деяниями мужей!» ... Мужами бывают только цари!.. Или царицы!

Меня затошнило от отвращения. Боясь упасть, я прислонилась к колонне и закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Мне было стыдно и в то же время страшно. Надо было что-то предпринимать. Я поднесла горящий факел к лицу, чтобы они увидели меня и узнали. Вытянула правую руку, и засверкал сапфир величиной с орех на перстне — государственная печать. Куда там! Никто даже не взглянул в мою сторону.

Тогда я крикнула:

— Я царица!

Но они не только не испугались, а стали еще громче хохотать. А кто-то даже крикнул охрипшим голосом:

— Добро пожаловать, наша маленькая хозяйка! Подойди сюда, выпей с нами стаканчик! Забудь на минуту, что ты соломенная вдова, как забыли и мы, что мы рабы... Я тебя люблю!

— Как вам не стыдно! — Я кипела от возмущения. — Живо убирайтесь отсюда да покрепче запритесь у себя в конурах... Завтра поговорим!

— Ах бедняжка, — заговорила, будто мы с ней ровня, — кто бы вы думали? — Мирто! Та самая Миртула, о которой так пекся Одиссей.

Она встала, не сбросив с талии руки Тавра, вытянула свое тонкое тело — ей едва минуло пятнадцать — и сказала, глядя мне прямо в глаза (она была красива!):

— Теперь ты здесь никто. Забота об управлении (и о чести) дома ложится на нас. Твое дело теперь — плакать о своем ненаглядном, моля богов, чтобы он вернулся, и оплакивать его, если он не вернется! А наше дело — заботиться, чтобы ты ни в чем не нуждалась, а мы могли бы наслаждаться со своими милыми, которые не уезжают и не бросают нас...

Когда нет капитана, корабль стараются спасти юнги. Без нас погибнут и дворец, и нивы, и сады, и скотные дворы, а вместе с ними — и ты, и мы!

Иди-ка спать, раз ты брезгуешь пить с нами. Если мы станем иногда погуливать, у нас будет охота работать. А от тебя ни убытка, ни пользы!

На, говорю тебе, выпей этот бокал за здоровье нашего хозяина, у которого был крепкий ум и еще более крепкое тело. За здоровье твоего и нашего мужа! Ты овдовела один раз, мы — десять раз.

И она протянула мне бокал.

— Не бойся! Мы не заразные!

Кровь ударила мне в голову. Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Только глаза у меня вылезали из орбит, словно шею сдавливала веревка.

И тогда опять заговорила Мирто:

— Пошевельсь ты наконец! Женщины-чурбаны не нравятся мужчинам. А я подарю тебе своего Тавра... Он и в самом деле как бык*.

Факел выскользнул у меня из рук, и я убежала, торопясь укрыться в темноте бесшумно, как летучая мышь.

Все во мне кипело от злости. Я вам покажу! Когда я была маленькой, меня называли «мальчиком». Теперь меня будут называть «мужчиной»!

* Тавры — древнее племя, обитавшее в Крыму. «Таврос» по-гречески «бык».

Кулак

Сегодня я проснулась до рассвета. Беззаботная и свежая, будто ничего не случилось и не должно было случиться. Послала старика Долия (его отдал мне отец, когда я уезжала из Спарты, чтобы был мне советником и помощником) к Эвриклее, кормилице Одиссея, к Аристе, принимавшей у меня Телемаха, и к Лаэрту, моему свекру, сказать, чтобы пришли сейчас же. Лаэрт вместе с Аргусом. Приказала также явиться воинам моего двора: щитоносцам и ликторам.

Все они не замедлили явиться. Не было только Лаэрта. Этот глупый старик живет далеко на хуторе. Когда приехал Долий, он сидел у порога своей халупы в длинной ситцевой рубахе и деревянных сандалиях и чистил лук. А рядом с ним, как всегда, лежал на брюхе Аргус, положив морду на передние лапы, одним глазом спал, а другим караулил.

Глухой и полуслепой столетний старик не понимал, о чем толкует Долий. Тогда Долий, сложив руки воронкой у рта, как это делала я, когда разговаривала с ним, крикнул ему в ухо:

— Идем скорее. Царица зовет.

Старик заплакал. Вспомнил сына.

— Перестань реветь и распускать нюни. Оденься поприличнее.

Лаэрт целый час искал подштанники. Долию пришлось одевать его, как ребенка, потом в тележке вместе с Аргусом бегом везти во дворец.

Впереди шли двенадцать ликторов с пучками розог на плече и топором за поясом; позади и по сторонам — около сорока

щитоносцев. А посередине — я. По левую руку — мой свекор, по правую — Долий, Эвриклея и Ариста. Как только труба заиграла «Царь идет», со мной вместе двинулись земля и небо. В ту же секунду, словно по уговору, справа от меня взшло огромное Солнце. Добрый знак. Моя тень, бесконечно длинная и зловещая, падала на каменные плиты, рассекая двор пополам.

Так и моя воля распространится по всему государству!

Во дворе все спали глубоким сном: люди, собаки, воздух. Собаки и воздух при звуках трубы проснулись. Только люди ничего не слышали: вино заткнуло им уши.

Труба громко проиграла побудку. Никто не вышел. Во всех комнатах, где жили слуги и рабы, за наглухо закрытыми дверями было тихо.

Тогда я дала знак ликторам разбить двери топорами.

Нестерпимая вонь — винный перегар, чеснок, блевотина и аммиак! — вырвалась наружу вместе с тучей мух, словно из выгребной ямы. Распростертые на полу, голые, отвратительные, храпели самцы и самки. Я зажала нос и зажмурила глаза. Ликторы пинали их ногами, пытаюсь разбудить, но те только мычали, не в силах проснуться.

Я приказала схватить десяток первых попавшихся женщин и мужчин и привязать их, голых и противных, к колоннам двора. А те только мычали с бессмысленной улыбкой, не открывая глаз.

— А ну всыпьте им как следует кизилковыми прутьями.

Только тогда они очнулись. А когда наконец поняли, что произошло, их уже избили. Кровь текла изо рта, из носа. Даже из глаз капали кровавые слезы. Я убила бы их, чтобы другим неповадно было. Но сдержалась. За каждого из них плачено несколько волов. Мы едим волов, а эти едят нас!

Из садов и виноградников, со скотных дворов и из мастерских все — стар и млад — сбежались посмотреть на расправу. На дворцовой площади собралась огромная толпа, и все слышали крики избиваемых, хотя и не видели их.

Люди кусали губы. Собаки выли. Я приказала прекратить избиение, только когда виновные, потеряв сознание, повисли словно мокрые полотенца на веревке. Тогда я велела отвязать их

и бросить на плиты двора. Собаки кинулись к ним и стали слизывать кровь.

Потом мы направились в гарем Одиссея. Я искала Мирто.

Всех этих шлюх, которых Он так лелеял, ни в чем им не отказывая: ни в шелковом белье, ни в драгоценностях, ни в помадах и сладостях; которые целыми днями ничего не делали, а только нежились, красили ногти хной, выщипывали брови пинцетом и все жирели, лежа на диванах, — я застала храпящими в постелях, каждую с мужчиной, а Мирто — с двумя.

Я с трудом вырвала ее из двойных объятий и собственноручно поволокла по полу за волосы. Потом приказала связать ей ноги и повесить вниз головой на перилах балкона.

Признаться откровенно — это было чудо! Ее еще несозревшее тело было смугло и упруго, словно черный коралл, — как мое! При каждом ударе она вздрагивала и трепетала, будто в любовной судороге. Но не издала ни звука. Вот упрямая!

Вскоре, однако, я заметила, что все вокруг опустили наземь копыя, щиты и топоры и в смятении глядят на нее с сожалением и любовью. Я выгнала всех: мужчин и женщин, молодых и старых, даже собак, а если бы могла — и ветер! Чтобы никто не смотрел на нее! Воины, рабы и слуги стали бы ее жалеть и влюбились бы в нее. Я бы и сама влюбилась.

Старый Лаэрт лишился чувств...

Мы остались вдвоем. Я взяла розги и начала ее сечь. Что за сладкое опьянение! А я его не знала столько времени! Не знала я также, что так сильна: никакая сила в мире не может сравниться с женской ненавистью! Чем сильнее я ее била, тем больше я этого хотела. Чем больше хотела, тем сильнее била. И чем сильнее била и хотела, тем больше хмелела.

Благодарю вас, о боги, за то, что вы ниспослали нам, хозяевам, столько забот и такую ответственность. Но вы дали нам и величайшее в мире наслаждение: право бить, убивать, чтобы люди трепетали перед нами от страха!

Мирто смотрела мне в глаза с такой ненавистью и презрением, что я не выдержала ее взгляда. И розги выпали у меня из рук.

— Это ты от зависти, сорока! Слышишь? Я красивее и моложе тебя. Мне только пятнадцать лет, а ты вдвое старше.

Ложь! Мне еще не исполнилось и двадцати. Но я не боюсь времени. Я бессмертна!

— Ты высохла от злости и сморщилась от жадности. И поэтому мой Одиссей предпочитает меня. Я умею ласково с ним поговорить, нежно подойти к нему, согреть его, чтобы он забыл тебя. Умею воскрешать в нем молодость. Это у меня в крови. Этому искусству не научишься. А что в тебе? Ты холодна, угрюма, корыстолюбива и лицемерна. Когда он целует тебя, ты думаешь только о кошельке. Ты стара, ты как пень. И что с того, что ты густо мажешься? Ни одеваться ты не умеешь, ни раздеваться. И поддержать беседу не умеешь.

Столько мудрости, сколько в моем лоне, у тебя нет даже в голове. Уезжая, он сказал мне: «Если вернусь благополучно, прогоню ее и возьму тебя». Вот тогда я повешу тебя на балконе, голую, вниз головой. Соберу всех придворных, открою двери и созову народ Итаки. Прикажу, чтобы музыка играла. Чтобы все видели тебя, смеялись и плевали на тебя... Ну и пугало!

Ты ему досталась даром. За меня же он отдал тридцать быков. Твой свекор отсчитал за Эвриклею, когда покупал ее, только двадцать, хотя и не спал с ней никогда.

Я сделаю тебя своей рабыней: будешь мыть меня в бане, натирать благовониями, а по ночам зажигать мой светильник! Ха! Ха!

Она была как безумная.

Хорошо, что я всех выгнала! Никто не слышал ее бреда.

Я намеревалась оставить ее там, на солнцепеке, на целый день. Пусть она еще больше почернеет, пусть загнойтся ее раны, и мухи кусают ее. Чтобы она протрезвела. Вот тогда она поняла бы свое незавидное положение. И ей стало бы больно. Но я ее пожалела (так уж и пожалела!).

Я сама развязала ее, обтерла мокрым полотенцем кровь. И, взяв на руки (она была легкая, как голубка!), отнесла на кровать и накрыла чистой простыней. Ее тело колыхалось под простыней, словно море, когда стегавший его ветер утихает, но остается зыбь.

Мне кажется, я не рассердилась. И не приревновала. Но

на всякий случай возбудила в себе страх. Наклонившись, я сказала ей нежно:

— С завтрашнего дня я беру тебя к себе придворной дамой.

— Спасибо, Ваше Величество.

Таким образом я буду держать ее в руках и буду за ней следить. А она будет давать мне советы. В конечном счете будет лучше, если мы поделим царя между собою, чем если она одна завладеет им целиком.

Я спустилась во двор, как черная туча, несущая град, ливень и кораблекрушения. Голубое небо почернело. Все ждали, притихшие. Я направилась ко дворцу, поднялась на третью ступеньку крыльца и крикнула:

— Отныне этот дворец будет храмом Добродетели. И Благоразумия. Сюда никогда больше не влетит и не испоганит воздух ни одна из стрел Эрота, ни одно перышко из его крыльев. Ни наяву, ни во сне. Все вы будете побеждать слабость своей плоти силой духа и работой за двоих. А если кто-нибудь из мужчин не устоит (ведь повод дают всегда они), я отправлю его к коновалу, чтобы тот облегчил его участь ланцетом, молотком или шпагатом. Кому что больше нравится.

Сложат миф и песню о том, что Пенелопа была первой честной женщиной во все века. А ее придворные — мужчины и женщины — ангелами. Мелодию Песни и слова Мифа ветры разнесут через равнины и моря, во все концы земли. Им будут вторить горы, деревья, волны морские и реки. Они будут звучать все сильнее год от года и от страны к стране.

Потом я со всей свитой пошла по амбарам и скотным дворам. В амбарах, в огромных привязанных толстыми веревками к стене глиняных сосудах, каждый в человеческий рост, мы хранили урожай за много лет: вино, оливковое масло, сыр, рожь, чечевицу, орехи, соленую рыбу, маслины и сушеных осьминогов. Ключница, видевшая, как вчера досталось ее подругам, прибежала с опухшими глазами, неумытая и нечесаная.

Я прикинула, сколько чего там было, и приказала Долию записать все в амбарную книгу. Потом все заперла, а связку ключей повесила на пояс.

— Впредь все, что необходимо на каждый день, будешь просить у меня. Столько-то этого, столько-то того. Все, что возьмешь, будет записываться. В конце каждого месяца будет производиться учет.

Потом пошли по конюшням и загонам. Тысячи голов! Сосчитали, сколько мулов, ослов и лошадей. Сколько свиней, овец и коз: молочных, откармливаемых на убой, сколько козлят, ягнят и сколько овец для стрижки.

— Пиши, Долий.

И, повернувшись к пастухам, я сказала:

— Если понадобится зарезать какую-нибудь скотину, вы обязаны уведомлять меня об этом заранее. А если какая-нибудь скотина падет от болезни, старости или от несчастного случая, прежде чем ее закопать, вы обязаны вызвать меня, чтобы я убедилась в этом собственными глазами. За каждую недостающую голову поплатитесь собственной. Я должна знать и обо всем, что рождается. Все должно быть учтено и сосчитано. Тогда будет порядок.

Даже в халупе, а тем более во дворце и в государстве невозможно вести хозяйство, не прибегая к арифметике, весам и розгам.

Я была так возбуждена и так зла, что совсем позабыла об Одиссее. Выходя из свинарников, прошла мимо загона кабана. Тогда я вспомнила о своем муже. Огромный зверь заполнял все пространство. Свирепый, страшный и неудержимый, он фыркал, как десяток кузнечных мехов, и тряс железную решетку, словно она была из камыша. Его испугался бы и сам Геракл, убивший его прадеда. Ибо он был правнуком Эриманфского вепря. Его прислал нам в подарок из Олоноса мудрейший из мудрецов и первейший из воров Эллады — старик Нестор. Красота божественная. Я нарекла его Одиссеем. Постараюсь почаще приходить смотреть на него, чтобы вспоминать того, другого. Приказала ухаживать за ним, как за царем. Давать ему двойной и тройной рацион и такой гарем, сколько выдержит. И чтобы над его дверью прикрепили деревянную эмблему, изображающую молнию среди ветвей лавра.

Заметив, как, разинув рты, смотрят на меня все: щитоносцы,

ликторы, слуги и рабы, — я резко повернулась к ним лицом и, вытянув свое маленькое тело (до самых небес) и возвысив свой голос (словно он раздавался с небес), произнесла громко и отчетливо:

— Животные будут получать двойную порцию корма. Они нас кормят. А вот рацион людям я урежу наполовину. Таким образом, вы не будете напрасно толстеть и у вас появится охота работать. Кровь в вас не будет кипеть и раздражать плоть и фантазию. Истошая ваше тело, я укреплю ваш дух. Стезя Добродетели — стезя Поста!

Хорошее начало

Не понимаю, что со мной происходит. Чувствую себя превосходно. Даже поправилась. Во дворце и в государстве все идет как по маслу. Нет надо мною никакого тирана. Я сама тиран. И все же что-то тревожит мне сердце. Какое-то уныние! Хаос. (От Хаоса родилась Гея, а от Геи — Эрот!)

Возможно, это оттого, что я много ем, бездельничаю и валяюсь. Нечто вроде ожидания и обещания из-за пределов Хаоса, где встречаются Гея и Эрот.

Может быть, просто потому, что сегодня вторник — несчастливый день.

Растянувшись на балконе в кресле-качалке, я смотрю вниз на сад, полный цветов и плодов. Нежное дуновение ветерка освежает мне лицо, донося мельчайшие брызги фонтана. Но пламя, бушующее у меня в голове, не утихает.

Жизнь прекрасна, даже без мужа. Миртула сидит на полу, прижавшись к моим ногам. И я погружаюсь в Хаос, не касаясь Геи, а Эрот не спешит поддержать меня.

Ну и пусть его не будет!

На следующий день.

Я изнываю от жары. Двери и окна открыты настежь, и все равно ни малейшего дуновения. Душно. Поплакать бы, может, легче станет. Но как заплачешь, если нет ни печали, ни радости?

Сейчас у нас первая половина августа.

На столе, на серебряном подносе, благоухают, сверкают и источают мед инжир, виноград и персики, только что сорванные

в саду. Надкусываю и кладу обратно. Их доедает малышка.

Зеркало напротив улыбается мне и возвращает мое тело более сочным, более свежим и сладким, чем фрукты. Грудь моя стала пышной, руки округлились. Никогда я не была такой красивой и соблазнительной. Ах, если бы меня увидел сегодня Одиссей или еще кто-нибудь, кого он спрятал бы под нашей кроватью, как Кандавл — Гига!

Чтобы больше не толстеть и не скучать, я стала ежедневно заниматься гимнастикой. А еще упражняюсь на мече. В учителя взяла Долия. А надо бы взять кентавра Хирона — он учил Асклепия, Диоскуров и Ахилла. Но эти полулюди-полулошади не желают покидать лесного Пинда с волками и Оссы с грязными крестьянскими девками. Придется мне самой ходить к ним в табор. И ходить каждое утро с крестьянками в лес. Они — собирать травы и улиток, я — на урок!*

Взойти бы на скалу над морем, высокую и крутую. И чтобы вокруг поднимался лес мачт всех кораблей эллинов, стоящих на якоре, — тысячи и еще ста восьмидесяти со ста тысячами душ. А на их палубах — в строю все от первого до последнего: цари, капитаны, воины, юнги и гребцы; свободные — трижды свободные и рабы — трижды рабы. Одни с короной на голове, другие — с мечом, третьи — с баграми, четвертые с цепями. И чтобы все знамена развевались на ветру, а люди не дышали.

Чтобы это было на рассвете. Небо розовое, и розовое море. А я на вершине скалы — как красное пламя, отрывающееся от костра и уносящееся ввысь. Обнажу голову, сброшу пеплос и хитон и крикну своим контраalto:

— Смотрите, вот я! Рожденная Нереидой и Солнцем! Правосудие! Победа! Ненависть! Истина! Дочь Зевса и Мать Света! Здесь и везде! Сегодня и завтра!

В тысячах уголков Океана, омывающего этот мир, и в тысячах извилин Пирифлегетона, омывающего потусторонний мир, за пределами Фантазии и за пределами Смерти — Я!

Елену никто из вас не видел. Вы создаете ее в своем сердце и убиваете друг друга из-за какого-то призрака! Меня, которую

* В этом и некоторых других случаях автор свободно обращается с географическими и историческими реалиями.

вы видите сейчас собственными глазами, вы не сможете удержать в сердце. И глаза ваши отныне будут только плакать!

И тогда заревели бы трубы, а копыта и мечи стали бить по медным щитам. Кили кораблей застонали бы, мачты затрещали. А цари, капитаны, воины, юнги и гребцы, трижды свободные и трижды рабы, побросали бы свои короны, мечи, багры и цепи и стали бы подпрыгивать как сумасшедшие в фелюгах. И каждый старался бы первым схватить меня!

И тогда, свистя, как змей, с небес спустилось бы алое облако, схватило бы меня в свои объятия и перенесло на Олимп, как когда-то божественный Коршун схватил и унес в когтях Ганимеда и как Эос унесла на своих крыльях Кефала.

А там, на богатом медью Олимпе, меня ждали бы разодетые в праздничные одежды Двенадцать Великих Богов. Только они достойны лицезреть подобную красоту.

Каждое утро я спускалась бы оттуда на землю купаться в водах родника Каиафа и вновь превращалась бы в деву, подобно Гере! Гере Совершенной, Гере Невесте.

Такова Пенелопа, которую вы видите, Пенелопа зримая. Другая, которую вы не видите, Пенелопа незримая (ее душа!) — в тысячу раз возвышеннее.

У меня бред и галлюцинации. Что это? Лихорадка?

Море внизу сверкает, словно покрытое эмалью. Пойду туда. Через заднюю дверь. Я не была там с тех пор, как приехала на Итаку невестой. Тогда я рыдала, сидя на водорослях и вспоминая родину, братьев, родителей.

Место это пустынное. И недоступное. Смертным вход туда воспрещен. Там обитают лишь nereиды, морские птицы да тюлени. И прихожу я когда захочу.

Серая дворцовая стена возвышается над страшной пропастью. Дверь заржавела, оставаясь запертой долгие годы. Я толкнула ее — и словно открыла ворота в Беспредельность. Дышала глубоко, а все кругом было неподвижно, точно окаменело: сосны, вода и воздух; даже чайки, парящие в небесной голубизне. Все безмолвствует, будто околдованное nereидами.

Я спустилась по каменным ступенькам, заросшим травой

и мхом. Ступала в тонких сандалиях по ржавчине времени легко — так пронесится ветерок по верхушкам лилий. И все же ногам было больно. Они так нежны! В глубокой тишине, казалось, были слышны шаги моей тени, в биении сердца — все поколения людей, которых уже нет, и богов, что остаются! Всю историю мира!

Я направилась к мраморной пещере. При моем появлении крабы, шипя, начали прыгать в воду. В углублениях между камней, как живая, блестела соль. Никого! Только я да четыре стихии...

Сбросила сандалии, скинула хитон. Ноги обжег раскаленный песок, тело заныло от палящих ударов солнца.

Я бросилась в море, оно засверкало жемчугом. Запахло свежерезанным арбузом. Море объяло меня трепетно, как мать свое дитя, — а разве я, дочь nereиды, не его дитя?

Какая свобода и какая сила! Куда ни протянешь руку, куда ни бросишь взор — все мое!

Я поплыла далеко-далеко, не уставая и не насыщаясь. Сколько времени я плыла? Когда я возвратилась на берег, запыхавшаяся, с помутневшими и полными соленой воды глазами, то улыбалась, как Даная, обессиленная, купаясь в золотом дожде Зевса...

Я расстелила хитон на морских водорослях в тени пещеры и легла на спину, подложив руки под голову. Тихо-тихо подошел ко мне сын Ночи — Гипнос, родной брат Смерти, брызнул мне в глаза слезами мака, и я уснула...

И тогда прилетел сын Афродиты и обнял меня прохладными крылами. Он так нежно смотрел мне в глаза и говорил так тихо, что его можно было услышать только во сне:

— Давно я искал и ждал тебя! Почему ты так долго не приходила? Эту нежную постель из розовых лепестков я постелил для тебя. Взгляни! Перестали кружиться небеса, и остановилось Время. От нас двоих родится в этот час Ожидаемый, который сбросит Зевса с престола и вознесет Итаку на Олимп.

— Да, я тоже ждала и искала тебя. Но не знала, что ты такой непобедимый. И хотя я — Благоразумие и Верность,

я сейчас отдаюсь крыльям бога Любви, я, богиня Красоты...
Никогда больше не покидай меня!

— Кто ты, черный дикарь, с глазами, острыми, как зубы, и с зубами, блестящими, как глаза? Уйди!

— Меня зовут Дедал. Я тоже раб, сын раба с Крита. Во время отлива я часто прихожу сюда (неважно, что это запрещается), прыгаю с камня на камень, как коза, и собираю крабов, морских ежей, яйца чаек. Трудный переход, зато обильная добыча. Теперь я нашел тебя. Ты моя. Боги привели тебя ко мне. Никто из людей, даже царь, не сможет вырвать тебя из моей души — и из зубов!

Я сидел рядом с тобою и ждал, когда ты проснешься. Ты в десять раз красивее Елены!

— Не Елены! — крикнула я сердито.

— И Пенелопы! Я ловлю для нее рыбу. Я уведу тебя и спрячу у себя в шалаше. Мы оставим твой хитон и сандалии здесь на песке. Когда их найдут, подумают, что ты утопилась в море, чтобы избавиться от тяжелой доли рабыни. Сколько таких до тебя топились в море или вешалось на деревьях! Никто не станет искать тебя или жалеть. Погибнет один раб, Одиссей приведет вместо него десяток.

Я же сделаю тебя царицей под камышовой крышей своей хижины (под усыпанным звездами небом) и на устланном соломой полу (на усыпанной цветами земле)! Царицей более великой, чем злая Пенелопа, которая тиранит Итаку; чтобы ты тиранила меня, как соловей — сторожа на винограднике в весенние ночи, не давая ему спать!

Ты будешь спать на самых мягких шкурах, а я буду кормить тебя оливками, сотовым медом, крабовой икрой и рыбьими печенками. Буду бегать по ложбинам, карабкаться по скалам и собирать для тебя самые нежные молодые побеги, артишоки и дикую спаржу.

Как тебя зовут?

— Ехидна!

— Я мастер ловить и укрощать змей! На стенах моей хижины множество змеиных шкур ярких цветов и с узорами, как

на микенских мечях. Я подарю тебе самую красивую, и ты сделаешь из нее для себя пояс покрепче, чем пояс Афродиты. А я, моя нежная Гадюка, буду согревать тебя за пазухой, как хозяйки греют грены шелкопряда в тюлевых мешочках.

Идем!

— Уходи! Оставь меня, я хочу одеться, — крикнула я ему с отвращением.

— Я одену тебя, моя малютка.

Он застегнул мне хитон у плеча, надел мне на ноги сандалии и завязал ремешки у щиколоток. Я успела рассмотреть его. Сильный парень и смелый. Усики еле пробиваются. Темный, как Законы Природы. Он взял меня за руку, и его ладонь обожгла мне запястье, мне стало больно.

— Пусти, скотина!

Он засмеялся и еще сильнее сжал мою руку. Я ударила его ногой в живот и плюнула ему в лицо.

Боже мой, что тогда произошло! Он вклеил мне две такие затрещины, что я кубарем полетела на землю. Его глаза метали искры...

Боже мой, как смерч!

— Я люблю тебя! — пробормотала я.

Одиссей мне опротивел. Он загубил мои лучшие годы. Пусть хвастается, будто он во всем первый. Первый царь, первый воин, первый плотник, первый пахарь, первый дубильщик, первый пастух, первый лжец! Но как мужчина — последний! Помните мое слово. В Азии он завоюет славу и захватит больше богатств, чем другие, но в то же время будет единственным, кого не полюбит ни одна женщина. Много женщин получит он при дележе добычи и много их купит на невольничьих рынках. Но ни одной из них он не покорит!

Поднимаясь, счастливая, по ступенькам, я обернулась и крикнула ему:

— Завтра я убью тебя!

— В тот же час! И тем же способом!

Беспокойный сон был у меня в эту ночь. Наверное, от гнева! Щеки у меня горели. Я отомщу! Когда, наконец, наступит

рассвет! Как только взойдет солнце, я буду там, внизу. В тот же час! Но другим способом!

Я пойду туда одна. Но оставлю дверь полуоткрытой, а за нею — четырех ликторов с мечами в руках. И как только он подойдет, я крепко обниму его (он обнимет меня и прижмет к себе еще крепче) и дам сигнал серебряным колокольчиком, который будет у меня в кармане... Напрасные мечты! Он, конечно, больше не придет! Все они одинаковы. Только болтают!

Однако он меня ждал. А я не оставила ликторов за дверью. Только колокольчик взяла с собой. Зачем? Так, чтобы не терзаться потом из-за того, что не исполнила свой обет!

Он ждал меня — юный, добрый, с лицом, озаренным светом счастья. И с корзинкой, полной винограда, покрытого листьями орехового дерева.

Он обнял меня как безумный. Я оттолкнула его и опять плюнула ему в лицо. И опять он отхлестал меня по щекам! Я стонала и извивалась, как захваченная острогой мурена, борющаяся со смертью, стараясь укусить его за палец, чтобы отравить!

Расстались мы поздно, в сумерках.

Когда я поднималась по лестнице, он крикнул мне:

— Завтра я буду ждать тебя, чтобы ты снова убила меня.
В тот же час!

— По-настоящему!

Много дней подряд спускалась я туда, десять... пятнадцать! Каждый полдень. Я делала ему всякие пакости. Но он меня больше не бил. Смотрел на меня добрыми глазами и улыбался. Вскоре он мне надоел. И однажды я не пошла. Решила вообще больше не ходить. Но случилось непредвиденное: пришел он! Дерзкий и грубый, он не посчитался ни с чем. Поднялся по лестнице и стал колотить в дверь. Но так ведь все могли узнать все про нас!

Ах, так! Сегодня все будет кончено, червь!

Я вышла и сказала ему:

— Иди!

Он хотел взять меня на руки.

— Убери свои грязные лапы. Иди!

Я произнесла это так свирепо, что испугался бы и сам Цербер, охраняющий Аид. А он улыбался. Мы спустились в мраморную пещеру, и в тот момент, когда он прильнул с закрытыми глазами к моему лицу и весь дрожал, как вино в бокалах, когда ими чокаются, я вытащила из волос золотую шпильку и, считая его левые ребра: первое, второе, третье, четвертое, пятое, шестое, вонзила ее всю, золотую, как раз под сосок, прямо в сердце, совсем как Эдип — шпильку жены в зрачки своих глаз!

Глубокая тьма окутала его. Он не успел услышать даже свой предсмертный крик. Откатился в сторону. Я подошла и надела ему на шею серебряный колокольчик — на память! И оставила бы его там на съедение крабам и чайкам, да пожалела. Взяла за ноги, подтащила к воде и бросила в море. А потом помолилась Посейдону:

— Сын Крона и Реи, брат Зевса и Плутона и мой брат! Потряси свое море до самых глубин. Пошли самые свирепые ветры и самые яростные волны. Пусть они заберут это дитя, унесут его — теперь свободного — и выбросят на прибрежные скалы его родины — Крита. Отправь его тень в темное царство твоего брата, чтобы тот посадил его рядом с собой, судьей царей. Он познал их лучше, чем Эак и Радамант. Когда будешь перекатывать его с волны на волну и бросать от скалы к скале, колокольчик будет звенеть и напоминать ему о том, что счастливая смерть дороже тысячи несчастливых жизней! Возьми его, а мне пришли взамен пятьдесят других!

У меня было настроение шутить!

Разделяй и властвуй

Стало холодно. Сорок дней и сорок ночей льет дождь. И этот борей! Волны вздымаются как горы, с ревом разбиваясь о прибрежные скалы, их пена долетает до моих окон, а водоросли прилипают к стеклам.

Одиссей все не возвращается. Третий год пошел! А говорил, что вернется в первую же осень вместе с молодым вином!

Я в тревоге.

Во дворце водворились порядок и благоразумие. А вне его стен? Мне доносят, будто народ голодает. Но ведь это народ! Он вечно голоден. К тому же сейчас война! Князья крови и золота улучили момент и подняли головы. И пытаются взвалить всю вину на меня. Говорят, что, уезжая, Одиссей забрал большую часть запасов и скота. Забрал он и все корабли, и нам не на чем ввозить товары из других стран. Урожай в нынешнем году погиб от суховея, а Пенелопа заботится только о своем кошельке. Она ведь иноземка. Все копит, копит, чтобы потом удрать! А наши извечные враги корфяне, морайты, румелиоты в один прекрасный день высадятся к нам на острова и все уничтожат, а нас уведут в рабство.

Я знаю, что у них на уме, и сумею предотвратить зло, пусть нет у меня ни опыта, ни хитрости Одиссея.

Я пригласила на совещание верховного жреца, прорицателя Галитерса, моего секретаря Итифрона (тоже священнослужителя), Долия и Мирто. И старика Лаэрта для приличия. Ты его спрашиваешь одно, а он тебе отвечает совсем другое. Что с него взять, он одной ногой в могиле. Какие могут быть советы с того света?

День сегодня солнечный, совсем летний. Еще вчера я разослала по всему острову своих горластых глашатаев с длинными палками, на которых вместо ручки две резные змеи, созвать сегодня утром на дворцовую площадь длинноволосых ахейцев — народ и архонтов — на собрание.

Как только дочь Ночи, златокудрая Эос, откинула пурпурными перстами атласные занавеси небес, по проселкам и большакам стали стекаться массы людей. Большинству пришлось стоять, но многие успели рассестись на каменных скамьях или просто на камнях.

По моему приказу площадь с четырех сторон была окружена ликторами, а в толпу заслано множество агентов.

Люди разговаривали между собой, пытаясь уяснить, почему Пенелопа вдруг о них вспомнила. Ведь сколько лет Одиссей не созывал народные собрания, он, мол, давным-давно и думать о них забыл! А народ помнил, что имеет право выражать свое мнение о насущных делах, и понимал, что Одиссей не имел права начинать войну без его согласия! Одни толковали о своих делах, другие — о болезнях, третьи — о бедности. Кое-кто не скрывал, что пришел на собрание позабавиться (пускай отечество гибнет, лишь бы им жилось хорошо!). Некоторым было интересно посмотреть, как маленькая женщина справится с такой большой толпой и как она будет корчить из себя великого мужа!

Только знать молчала. Архонты пришли сюда, сговорившись свести счеты с царской властью.

Мои агенты подслушивали, а потом бежали во дворец и обо всем докладывали мне. Но я и без них все знала. У меня был план: восстановить сегодня друг против друга архонтов и народ. В дальнейшем план мог измениться сам собой. Если бы опасность со стороны народа возросла, архонты перешли бы на мою сторону. Против народа.

Но вот заиграли рога и трубы, и, скрипя на массивных петлях, открылись медные ворота. Я вышла в сопровождении ликторов, воинов и советников, и гомон многоголосого людского моря сразу утих. Сидящие вскакивали с мест, а стоящие поднимались на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть меня.

Меня одели, нарядили и накрашили — как вы думаете, кто? — три жрицы, которые одевают, наряжают и красят деревянную статую Афродиты. Но я была красивее — и к тому же не истукан!

Короткий хитон цвета морской волны. Пояс, копьё, меч и шлем — все из золота и серебра. Под шлемом — «покрывало Левкофеи». Я сияла, как ночное море, когда, струясь пламенеющим потоком, в нем отражается полная луна.

Все смотрели на меня, разинув рты и выпучив глаза, как окаменелые, словно на моей груди висела горгона Афины — голова Медузы со змеями вместо волос.

Стукнув копьём о плиты, я занесла правую ногу, чтобы переступить порог, и народ расступился передо мною, как по мановению волшебной палочки.

Подойдя к трону из слоновой кости, я остановилась, и вперед выступили две рабыни. Одна держала за руку Телемаха, другая — Аргуса на цепи. Лаэрта я посадила по правую руку на более низкий трон, а Телемаха — по левую, на золотой щит. Аргус улегся у моих ног.

Я взглянула на накрашенные хной ногти своих ног, чтобы и другие тоже на них посмотрели... Как только я села, подкупленные молодчики заорали во всю глотку:

— Нашей великой царице — многая лета!

Народ подхватил эти слова, и они прозвучали трижды, будто молния ударила сразу в три горных вершины.

Архонты молчали и только в замешательстве подталкивали друг друга локтями. Не ожидали такого великолепия и такой смелости от маленькой женщины.

Вытянув вперед свои красивые, обнаженные до плеч руки, я сделала знак, чтобы все смолкло. Но тишина и без того наступила бы: всем не терпелось услышать мой голос и мою мудрость.

— Архонты благородные, с голубой кровью и божественными предками, одетые в золото снаружи и с великой душой внутри; столпы пурпурные, подпирающие трон — вашу опору! И ты, темный народ, закаленный на солнце и в снежных бурях, с мозолистыми руками и широкой грудью: пахари и огородники,

каменщики и плотники, моряки и пастухи, сапожники и кузнецы! Народ труда и послушания, без царя и без господ ты не мог бы существовать, а царь и господа не смогли бы без тебя украсить твою жизнь своими дворцами, амурами, колесницами и прочей роскошью; они не могли бы издавать законы, утверждающие порядок и человечность; вести войны, приносящие славу нашему отечеству; и служить Духу: философии и поэзии!

Архонты и народ! Я созвала вас, чтобы ближе узнать вас, а вам — меня. Я — свою паству, вы — своего пастыря!

Уезжая, Одиссей передал м н е , — и я ударила себя в золотую грудь , — жезл власти. Здесь присутствуют священнослужители, жрецы, писари, которые могут подтвердить это. Я должна управлять, архонты — помогать мне, а народ — повиноваться.

Жезл власти — это и жезл Фемиды. И суд царя — это суд Зевса. Он не терпит возражений. О добром человеке я буду заботиться со всей присущей мне добротой, злого же буду наказывать со всей присущей мне жестокостью.

Я знаю, что урожай погиб и беднота страдает. Случались и беззакония: взламывали лавки, грабили сады. Но больше такое не повторится!

Народ недоволен архонтами, у которых полные амбары, а архонты против царской власти: против войны Одиссея, против слабого правления женщины. Это должно прекратиться. Давайте вместе — царица, архонты и мой народ — подумаем о том, как спасти отечество.

Я дарю народу царские земли на севере острова. За эту зиму он поднимет целину, распашет поля и засеет их. А в июне соберет и обмолотит урожай.

Вы же, архонты, должны отдать народу половину своей пшеницы. Конечно, не даром. Отдадите ее в долг, а он вернет вам этот долг в будущем году деньгами или поденной работой. А кто не сможет его вернуть или не захочет, тот станет вашим рабом согласно божьим и людским законам. Но все они смогут и захотят. Ибо на будущий год вернется Одиссей и привезет с собой столько трофеев, что не одно и не два поколения, а целых двенадцать смогут прожить счастливо.

Он превратит нашу маленькую Итаку в Великую Итаку!..

Вы, архонты, пугаете мой народ тем, что на наши острова высалятся морайты и корфяне...

Однако настоящие храбрецы не ждут, пока зло придет; они его предупреждают. Мы не должны сидеть сложа руки и ждать до осени, пока вернется Одиссей. Есть на Итаке три крепких корабля — у Эвримаха, у Антиноя (его нет здесь) и у Леокрита. Владельцы этих кораблей должны оснастить их оружием, назначить капитанов. Эти корабли неожиданно нападут на Элиду и захватят там продовольствие, скот и людей. Таков закон Природы: умные и сильные живут за счет дураков и слабых. Когда они возвратятся с божьей помощью невредимые и овеянные славой (мы будем за них молиться), то самое лучшее оставят себе, а остальное по дешевке продадут народу.

А теперь я предоставляю слово мудрому и почтенному старцу Галитерсу, герою и главному жрецу, который беседует с богами и понимает язык птиц, шелест листья, журчание вод и грохот грома.

И тогда выступил вперед седобородый, седовласый Галитерс в длинном хитоне, опираясь костлявыми руками на посох из оливкового дерева. Закрыв глаза и сосредоточившись, он стал говорить тихо, слово за словом, словно читал свои фразы точно так, как я их написала:

— Славные мужи итакийские, кефаллиниты, аймавриты и закинфяне! Народ избранный, любимец Судьбы и Славы. Славы — потому что царем у вас Одиссей; Судьбы — потому что царицей у вас Пенелопа. Слушайте меня хорошенько и запоминайте.

На днях, во время жертвоприношения на алтарь Аполлону в Филятро, в тот момент, когда я вонзил священный нож в горло жертвенного животного, свершилось чудо: золотой орел ринулся с высоты и стал кружить над моей головой. Он звал меня криком последовать за ним. Я оставил жертву в предсмертных судорогах и пошел за ним в том направлении, куда он летел. И так я спустился к берегу, где потерял птицу из виду. Щурясь от солнца, я вглядывался в небесную высь,

как вдруг из моря послышался нежный женский голос: «Здесь!»

Я обернулся и почти прямо перед собою увидел nereиду. Ее груди, выступавшие из воды, блестели, как бронзовые плоды айвы. Красота ее меня ошеломила.

— Мудрый Галитерс, прорицатель и глава жрецов! С тобой говорит нимфа Левкофея, дочь Кадма, Спасительница и Водяная Змея!

Знай, что Одиссей со всеми своими кораблями, а также все военачальники Эллады благополучно достигли Трои и с песнями овладели крепостью. Она взята благодаря достоинствам и мудрости Одиссея. Троянское государство полностью уничтожено огнем и мечом. Захвачены горы трофеев и гурты рабов из народа и царских отпрысков. Ахейские военачальники и рядовые воины не знают, куда девать все эти горы трофеев и тьму рабов, как перевезти их сюда.

Трюмы и палубы кораблей переполнены, строятся новые суда. По этой причине они и не вернулись до сих пор. У Одиссея было двадцать четыре корабля, теперь их у него сорок, но все равно не хватает.

Месяц приходит, месяц уходит. Летом, когда море успокоится, все возвратятся на родину, и великий предводитель Одиссей щедро наградит своих верноподданных, архонтов и народ, и жестоко накажет изменников и из народа, и из архонтов.

Все это передай царице, его достойной супруге, моей сестре, тоже рожденной от nereиды.

Вот, возьми мое покрывало и вручи его Пенелопе. Надевая его, она станет мыслить, как бог! — Я сняла шлем и показала покрывало Левкофеи. Мои наемники, а также многие простолюдины радостно закричали. Когда шум умолк, прорицатель продолжал:

— Потом земля и море погрузились в звенящую тишину. Божественной красоты нимфа исчезла, и на воде не осталось ничего, кроме светлой, словно залитой маслом полоски.

Когда я в раздумье вернулся к алтарю, жертвенный баран был жив, блял и прыгал.

Сказав все это, он встал за моей спиной. Наступило долгое молчание. Большинство наивных людей поверило в чудо. Но

аристократам оно не очень понравилось. Слово взял самый дерзкий и отвратительный из них, Эвримах, сын Полиба:

— Хитрый и коварный жрец! Шел бы ты лучше домой и сидел бы там и пересчитывал своих детей, как бы кто из них не пропал, чем являться сюда и мямлить перед нами все это по подсказке. Мы пришли сюда не для того, чтобы узнать что-нибудь новое от царицы или от тебя. Ибо нам известна одна-единственная правда: Одиссей больше не вернется, как не вернулся и никто другой. Пошел уже третий год! Они уплыли сражаться за честь какой-то бесчестной женщины. То есть за то, чего нет! Те из нас, кто поумнее, не покинули родной земли, чтобы сохранить то малое, что осталось, тогда как другие потеряли все. И теперь на нас ложится великий долг позаботиться об отечестве. Нельзя допускать, чтобы нами командовала женщина — длинные волосы и короткий ум. И к тому же такая молодая! Ведь до чего мы дошли: до анархии.

Посмотрите на нашу прелестную повелительницу. Как она вырядилась и намазалась — словно актриса! Женщины больше заботятся о том, чтобы их называли красивыми, чем умными.

Но если даже Одиссей погиб, это еще не означает, что должно погибнуть и государство.

Может быть, она и красива, — даже очень красива! — но государства управляются не губной помадой, а кнутом. Значит, должно произойти одно из двух: либо она выберет кого-нибудь из архонтов себе в мужа, народу — в правителя, либо ей придется уйти. И поскорее, пока не поздно!

Посмотрели бы вы тогда на моего Аргуса, на моего божественного волкодава, который все понимает, как человек, и только говорить не может. Он взвыл и кинулся на Эвримаха, скаля клыки. Потом чуточку попятился, готовясь к прыжку, чтобы растерзать его.

Я удержала его за ошейник и сказала громко, чтобы всем было слышно:

— Сядь, мой верный друг! Когда гавкают паршивые собаки, не забывай, что ты царский пес!

Однако сын Полиба невозмутимо продолжал:

— В нынешнем году наш урожай погиб. На нас, очевидно, гnevаются боги: Посейдон, Аполлон, Афродита и сам бог войны Арес! — которые потворствуют троянцам и воюют на их стороне против ахейцев. Поэтому они не послали нам дождя. Тучи, едва приблизившись к нашим берегам, повернули вспять. Нынче мы не собрали и половины годового урожая зерна. А покойный, когда уезжал, забрал с собой почти весь хлеб.

Теперь ты заставляешь нас расплачиваться за его ошибки. Как мы можем отдать половину половины, когда нам самим и нашим людям не хватает? Как мы можем довериться словам фантазерки и лишиться того, что у нас имеется, чтобы ждать того, что привезут? И кто может поручиться, что боги смягчатся и не погубят опять наши посевы?

Надо умилостивить их. И единственный, кто должен быть принесен им в жертву, это ты, супруга виновного. Я не говорю, что тебя надо резать, как Агамемнон зарезал Ифигению на алтаре Артемиды. Тебя надо с почестями и музыкой принести на алтарь Гименя! Жертвой, так сказать, станешь не ты, а тот, кто женится на тебе. Ведь он станет не только обладателем твоей красоты и молодости, но и возьмет на себя великую ответственность за государство.

Ты хочешь показаться щедрой за чужой счет. Вместо того чтобы раздаривать негодные земли, где одни камни да пни, ты бы лучше открыла закрома и скотные дворы и раздала голодным все то, что наворовал у нас за последние пять лет твой ненаглядный. Ты же захватила это добро и сидишь на нем, как собака на сене.

У тебя двенадцать амбаров, полных зерна, и столько же складов с оливковым маслом. У тебя двенадцать стад по пятьдесят коров и двенадцать отар по двести голов овец и коз. Еще у тебя столько же стад свиней, одних маток, не считая хряков, по пятьдесят в стаде, и у каждой по десять поросят. Зачем тебе столько? Раздай все это беднякам, раз Одиссей, как ты говоришь, привезет тебе в тысячу раз больше!

Предупреждаем: если кто-нибудь осмелится поднять свою грязную руку на наше, унаследованное от отцов, добро, тот поплатится за это.

Да, дочь Икария и нимфы Перибей, племянница спартанского царя Тиндарея и двоюродная сестра неверной Елены... Не забывай, что ты здесь иноземка. И если ты еще живешь на Итаке, то только благодаря нам, архонтам, а не народу!

Его слова не застали меня врасплох, я этого ждала. И ответила очень спокойно, с улыбкой:

— Беспардонный сын Полиба! Мне жаль, что мальчишкой великий Одиссей брал тебя на колени и играл с тобой. Лучше бы у тебя было больше совести, а язык был покороче. Совесть я тебе дать не могу. А вот язык укоротить могу. Со мной народ!

И тогда, расталкивая толпу, вперед протиснулся жалкий человек в лохмотьях. Это был сын Долия Мелантий, один из засланных в толпу агентов.

— Я рыбак и сын рыбака, потомственный крестьянин... Читать и писать я не умею, даже букв не знаю... Сказать по правде, я и говорить-то разучился. Много лет я живу один среди скал, не видя людей. Говорить мне не с кем, кроме лодки, топора, сетей, осьминогов и самого себя.

Все, что я знаю, я узнал только от бога и от природы. Значит, ведомы мне не ложь и заблуждения, а вечные законы и вечные истины... Я знаю, что Итаку создали боги и вверили ее нашим царям. Нам нечего говорить... Может, я и одет в лохмотья, может, и сам я отребье, но я твердо знаю: пока будут существовать наши богоданные цари, будут существовать и Итака, и я. То есть народ!

Потому (это говорят боги и природа) мы не позволим тронуть священную особу нашей царицы. Зарубите это себе на носу...

Архонты кинулись избивать его. Но он был окружен другими подосланными, которые стали кричать во всю глотку:

— Правильно говорит!

Им вторило и большинство народа:

— И мы так думаем!

Может, у них зловонное дыхание, может, у них из прыщей сочится гной и по воротникам разгуливают вши, но в душе они чисты, непорочны и честны!..

— Да здравствует наша бессмертная Повелительница и Мать! Если мы понадобится, ты только кликни, мы тут. Наступай нам на шею, режь глотки, на небеса попадем. Нам это нравится. Слышишь, красавчик Эвримах?

Все шло как по маслу, как вдруг какой-то незваный коротышка, плешивый и черномазый, вдобавок кривобокий, испортил весь «спектакль». Я думала, он возьмет мою сторону. Архонты — их. Но вот что сказал этот урод:

— Мы выслушали вас, царица и архонты. Все вы говорили о своих интересах. Но вот э т о т, — и он показал на Мелантия, — эта продажная гнида, как он смел выступать от имени народа! Я его знаю. Он не рыбак. Он — охранник. Много раз он избивал и пытал меня в казематах Ее Величества! Во время пытки он сломал мне лопатку, и с тех пор у меня кривое плечо. Его зовут Мелантий. Это сын советника царицы Долия. Он подослан. Он и все ему подобные служат сегодня самому сильному, а завтра перейдут в услуженье к другому, более сильному. Будут служить тому, кто больше платит. Он предаст и тебя, хозяйка народа, как предаст сегодня народ. К если когда-нибудь вернется Одиссей, он вонзит ему нож в спину. Архонты успеют подкупить его.

Архонты расхохотались.

— Заткнитесь, вы! — заорал на них калека, побагровев от гнева. — Белый пес, черный пес, все вы псы. Мы трудимся до изнеможения на вас и на царя. Голодаем, болеем, а вы жиреете. Гибнем на войне — вам барыши, нам — могила безвестного воина! Когда вы нам должны, вы не платите. Если же мы вам задолжаем — вы превращаете нас в рабов. Вы выкачиваете кровь из наших вен и начинаете нас богами и идеями — ложью. Вам нужно, чтобы у нас была тьма в душе.

Любую тяжесть приходится поднимать нам. Вы же поднимаете только бокалы, развалиясь на подушках, да кутите со своими скучными бабами, или развращаете наших неопытных девушек, или предаетесь разгулу с искусными и с теми, что привозят для вас из дальних стран жрецы Афродиты!

Что доступно взору и разуму человека: поля, сады, корабли,

дворцы и храмы, — это наше. Все это создали мы. И мы, ограбленные, должны отнять это у грабителей!

Первые хозяева наших островов, телебои, были грабителями. Их прогнал еще худший грабитель Аркесий, сын Кефала и Аркуды. Это он основал династию Одиссеидов. Дед Одиссея, Автолик, научился ремеслу грабежа у своего отца, архивора Гермеса. Он сумел превзойти и своего божественного учителя, и царя Коринфа Сизифа, который, захватив перешеек, грабил и убивал прохожих. Все, что попадало в руки Автолика, бесследно исчезало, а это не удавалось даже Гермесу!

Говорят, мы не хотим иметь хозяевами воров. Это просто болтовня. А вот что мы выметем вас отсюда, этого вам надо опасаться. Мы своими руками создали свою страну и сами станем в ней хозяевами. Мы требуем для себя справедливости и свободы, а значит — власти.

Считаем ниже своего достоинства принимать от вас, как милостыню, клочок нераспаханной земли и горсть зерна. Мы сами возьмем всю землю и все зерно. А если вы станете трудиться так же, как мы, мы отдадим вам вашу долю, равную нашей. И тогда наша земля станет такой чудесной, что нам не нужны будут ни Олимп, ни грядущая жизнь, ни Фемий...

Поднялся великий шум. Стражники и архонты бросились, чтобы растерзать еретика. И множество народу. Истинный народ!

Я приказала трубачам сыграть «Молчание!». И спросила: — Что это за сумасшедший?

— Это Терсит, — шепнул мне на ухо Долой. — Он нездешний. Никто не знает, откуда он, скорее всего, иностранный шпион! Его то и дело сажают в тюрьму, но он никак не образумится.

— Посадите снова. И всыпьте ему там двести ударов кнутом за меня и еще столько же за народ.

Стражники стали избивать его тут же. Я им не мешала. Нельзя мешать хорошему псу терзать безобидного прохожего, а преданному стражнику — избивать гражданина. Они могут испортиться! Потеряют охоту терзать и бить.

Терсит же, чем сильнее его били, тем громче кричал.

— Надо предать его суду за нарушение порядка. И за оскорб-

ление моей священной особы. И за оказание сопротивления органам власти. За пособничество врагу. За оскорбление религии. И за... да подите к судьям, они найдут тысячу причин. Пусть просидит в тюрьме всю жизнь. А если выживет, бросьте его на какой-нибудь необитаемый скалистый остров, пусть царствует там над камнями да над ящерицами, раз ему так хочется. И смотрите в оба, а то убежит. Тогда арестуйте его мать, отца, сына — всю родню. А если у него нет родных, заберите соседа — первого попавшегося. Пусть расплачиваются за него. Богиня Правосудия требует жертв, не интересуясь личностями!

Уже пробило полдень, а «спектакль» все еще на кончился.

Повернувшись к Эвримаху, я продолжала свою речь:

— Сын Полиба. Если бы ты не был лишен стыда, ты бы пошел вместе с царем и другими храбрецами воевать за честь Эллады. Все здоровые мужчины, способные держать меч и копьё, уплыли. Остались старики, женщины, дети да немощные: надо же кому-то обрабатывать наши поля и сады, ухаживать за скотом, рубить дрова, обжигать кирпич. Ты здоров, и красив, и молод, однако предпочел кровавым сражениям пуховые постели.

Зерно ты отдашь. Это мой приказ. Тебе, конечно, известно, что вся земля, все, что в ней и на ней, дома и люди — все принадлежит царю. И что бы ты ни отдавал, ты отдаешь из царского. Я могла бы отнять у тебя все сразу. Но я пошлю утром своих стражников защищать тебя, чтобы у тебя не отняли все Терситы!

А ты, мой народ, не расходись. Многие из вас шли сюда долго. А предстоит еще такой же путь обратно. Хочу вас порадовать. Во дворе перед дворцом слуги и рабы жарят на вертелах десять телят и двадцать свиней. Идите туда. И мои служанки и рабыни будут вас угощать, пока вы не скажете «довольно!». А когда вернется ваш царь, так будет каждый день.

Тебе же, сын Полиба, и другим архонтам, которые нашли «подходящий момент», чтобы раздробить царство и каждому стать царем в своей вотчине, заявляю: у меня при дворе войско

в три раза большее, чем обычно держал Одиссей. Потому-то я и не отдаю свое зерно. Чтобы защищать народ и вас, воинам нужно есть. Слышали, что сейчас говорил безумный Терсит? А если то же самое скажут вам завтра тысяча нормальных Терситов? Пропадем и вы, и я. Все, что я вам говорю, говорится не устами просто женщины — пусть даже она рождена богами и является царицей, — а вот этим покрывалом nereиды Левкофеи.

Я сняла его с головы и, подняв высоко, стала размахивать им в воздухе.

В тот же миг со двора послышались крики:

— Дорогу! Посторонитесь...

— Кто там? — спросила я.

— Одиссей!

На площади будто пожар начался, побежали все: народ — посмотреть, архонты — спастись.

А это был кабан Одиссей. Он выломал дверь загона и вырвался оттуда через Большие Ворота, разъяренный, мощный и бессмертный, как бог...

Мы хохотали до упаду.

Гермес

Первым долгом я подняла стены дворца-крепости еще на два аршина и построила на четырех углах четыре новые сторожевые башни, кроме тех двух, что у ворот. Стража дежурила там днем и ночью. Гарнизон крепости я довела до четырехсот человек. Часто я заставляю их проводить учения на площади, на виду у народа и архонтов.

Но мало, чтобы нас только боялись. Надо, чтобы нас еще и любили — я имею в виду обманутый народ. Я приказала школе, церкви и поэтам каждодневно прославлять священный институт самодержавия, вселять в бедняков страх божий и отвлекать их внимание подальше от жизни, к небесам: к смерти!

Я сделаю так, чтоб государство выглядело как сказочный дворец. Законы — фундамент, а боги — кровля. И единственный жилец в нем — я; все остальные — тени. Я не стану открывать окна, не оставлю ни единой щелочки, куда мог бы проникнуть свет. Самый большой враг власти Одного — свет для многих.

Архонты уже уразумели, что я стараюсь для них; что их враг — не самодержавие, а народ, который пробуждается и начинает шевелиться.

Ко мне прислали Амфинома, сына Ниса, Писандра, сына Поликтора, и Агелая, сына Дамастора, — мириться. Они роздали зерно народу — за одну отданную часть получают десять. Эвримах и некоторые другие все еще держатся непримиримо. Выжидают... Только куда они денутся? В конечном итоге им все равно придется пойти с нами.

Однако я не питаю доверия к архонтам, да и они ко мне тоже. Но пока отсутствует Одиссей и народ будет голодать, а

Терситы его возмущать, общая опасность будет сплачивать нас все теснее.

Набег на деревню Гастуни удался. Наши пираты привезли оттуда много добра. Начальники отобрали для себя самое лучшее, а большую часть вещей продали бедноте по дешевке, то есть по двойной цене: ведь идет война!

Я готовлю еще один такой патриотический поход к берегам Эпира. Может быть, и сама туда отправлюсь.

Вот как совершилось чудо Гермеса, сына Майи, крупнейшей звезды Плеяд, пастуха, вора и лжеца, распутника и проводника душ в Аид.

Написать об этом? А как взглянет на все это Одиссей, если прочтет? Это вопрос чести. Ведь сын Майи был отцом его деда.

Но если бы даже он не был его предком, опять-таки честь для меня, что я полюбилась богу. Боги имеют дело только с богинями, nereидами, призраками, царицами — и только с эллинками. С простолюдинками и чужестранками они не общаются. Таким образом умножается на земле их племя, из которого выходят сверхчеловеки — «пастыри народов».

Однажды, месяц тому назад, я сидела под вечер на балконе и вышивала бисером, золотом, тесьмой и блестками шелковую шаль, изображая на ней звездное небо и землю в цветах. Вдруг внизу раздался необычный голос: это проходил бродячий торговец. Молодой, лицо загорелое, курчавые волосы, черные глаза.

Чего только не было в коробе, висевшем у него на шее: прозрачные шарфы, тончайшие, как паутина, кружева, пояса из змеиных шкурок, перламутровые броши, золотые булавки с драгоценными камнями и множество разных эликсиров, духов, помад и трав.

Я не смогла удержаться. Позвала его и сделала знак страже пропустить его наверх. Вблизи он выглядел еще необычнее, глаза горели еще ярче. А голос? Он отзывался в глубинах моего существа, словно эхо из потустороннего мира. Впервые довелось мне слышать человека, говорящего так на языке эллинов! Я знаю все эллинские наречия от Геркулесовых

Столпов до Нила и Борисфена, но его говор не был похож ни на одно из них.

— Откуда ты, земляк?

— Отовсюду! Я совершил путешествие по Океану, который опоясывает этот мир. Говорю на языках всех народов и богов! Где только я не бывал! В Вавилонии и в Мемфисе, за землей Водопадов, у истоков Нила, в стране эфиопов, среди «последних из мужей», куда часто заглядывает Аполлон и выпивает с ними. Однажды ночью я видел, как он, хмельной, пел и плясал. А увидел я его потому, что ночная тьма светилась, будто солнце днем. Я направился дальше, к стране, где каждый камень — бриллиант и каждая травинка — благовонное растение. Там птицы говорят человеческим голосом. Рыбы поют, будто птицы, лошади с рогами, а быки безрогие. Там мед течет рекой из дупел деревьев, а сливки из молочных источников стекают в большие озера. И чем дальше идешь к югу, тем дни становятся длиннее, а ночи короче, пока не дойдешь до места, где солнце никогда не заходит за горизонт. Там уже нет ни времени, ни смерти. Каждый из блаженных жителей этой страны настолько стар, что Кронос в сравнении с ним кажется младенцем; и настолько всеведущ и мудр, что боги перед ним кажутся простолюдинами.

Я обошел Океан с другой стороны и, пройдя под ногами Атланта, который поддерживает небо плечом, вернулся в наш мир, маленький и лживый, в мир тления, смерти и слез.

Он говорил без конца, а я слушала как зачарованная, полусомкнув веки, словно утомленный Персей, который, убив Медузу, растянулся под дубом средь бела дня и, удовлетворенный, постепенно уходит от действительности и погружается в сновидения, не выпуская из рук окровавленного меча.

Не знаю, сколько времени я его слушала. И не помню всего, что он мне говорил.

Когда я очнулась, дневная звезда уже закатывалась. Нахмурил брови, я накупила у него разных помад и булавок. А он, коснувшись моего мизинца ногтем, прошептал:

— У меня есть волшебная трава Протея. С ее помощью старый морской бог превращается в рыбу, водоросль, воду,

огонь — во что захочет. Он нашел ее когда-то в Атлантиде, на самом дне Океана, в серебряной пещере своих дочерей.

Его дочь Эйдотея украла один корень и передала его мне в ту ночь, когда я потерпел кораблекрушение у одного из рукавов в устье Нила. Она же и научила меня, как с ним обращаться... Но я его не продаю.

— Не продашь даже мне?

— Тебе я его дарю. Когда ляжешь в постель, пожуй один листок. И он принесет тебе мужчину, какого только захочешь. Хоть бога.

— И Гермеса?

— И Гермеса! Но это может случиться только после полуночи и если окно твое будет открыто.

Я ему не поверила. И окон не растворила. Просто позабыла их закрыть! И назло повесила с перил выходящего в сад балкона веревочную лестницу.

До полуночи я не находила себе места. Очень нервничала. Я искупалась, натерлась самыми дорогими благовониями. И легла в постель, держа в руке магическое растение. Заметив, что окна и балконная дверь открыты, я решила закрыть их. Позже. Было так душно, а мне хотелось свежего воздуха!

Время словно остановилось. Сердце мое билось все сильнее и сильнее. Растение жгло мне пальцы. Я не могла удержаться, и то и дело вставала смочить губы вином. Сначала изредка и понемногу, потом все чаще и больше. Сама не знаю, сколько выпила. И захмелела.

А когда на верхушке высокого тополя прокричала сова и ожерелье Плеяд поднялось высоко, я положила в рот один листок и прошептала так тихо, что сама не расслышала своего голоса:

— Сын Зевса и Майи, славный предок Одиссея...

Я не успела ничего больше сказать, как вдруг на балконе возник его божественный образ. Я закрыла глаза, не владея больше ни телом своим, ни мыслями, ни дыханием. Я чувствовала его присутствие и его силу, не видя его. И так до самого рассвета. Тогда я разомкнула веки. Рядом со мной лежал бродячий торговец.

— Да, я предпочитаю принимать человеческий образ... Закрой глаза.

И нежно провел большим пальцем по моим трепещущим векам.

— А теперь открой их!

Это был сам Гермес. Но я не могла его рассмотреть. Видела только свет, от которого было больно глазам...

— Превратись опять в торговца, — шепнула я ему. — Не могу!

— А теперь, любимая, прощай.

— Я оставлю тебя во дворце.

— А я уйду, как ветер, через окно.

— Тогда завтра...

— Нет! Послезавтра. Через день: во вторник, в четверг и в субботу.

— А в остальные дни?

— Я держу совет с великими богами на Олимпе.

Прошел месяц... и вот уже пятый день, как он не приходит. Я отправила на поиски Долия и Мелантия. Нигде!

Вчера его нашли убитым у Злого моря.

Не помогало больше магическое растение. Я так сильно горевала, что слегла.

Когда я рассказала о своем горе Мирто, которая ухаживала за мной, она ничуть не удивилась. Только спросила:

— По каким дням он к тебе приходил?

— По вторникам, четвергам и субботам.

— По понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям он приходил ко мне.

К моей рабыне — на один раз в неделю больше!

Антиной

Как пригодилась тренировка! Я упражнялась в фехтовании, чтобы не скучать и не полнеть, чтобы не расплывались линии тела и не утрачивалась его гибкость. Мне хотелось быть храброй, как мужчина. Но мне и в голову не могло прийти, что придется драться с кем-нибудь на поединке.

Дней десять тому назад меня разбудили звуки трубы, крики с мола и топот сандалий бегущих к морю.

Я вышла на террасу посмотреть, в чем дело. У края пристани стоял фрегат с раздувающимися алыми парусами, похожими на павлиний хвост. Он только что бросил якорь, и с палубы прыгали вооруженные воины, словно готовились к бою. Их было около тридцати. Многовато! И без моего разрешения.

Под конец потихоньку, как невесту, спустили по трапу белого, как жасмин, жеребца с золотой сбруей, бархатным седлом и желтыми, крашенными шафраном, копытами! Когда он сошел на песок, четыре человека не могли с ним справиться. Он сердито ржал и вставал на дыбы, пока на него не вскочил и не сжал сильно ногами — кто? — Антиной! Богатейший и красивейший в государстве сынок архонта. Но и самый глупый! Зачем он сюда пожаловал, да к тому же с вооруженными молодчиками?

В порту собралась большая толпа зевак. Они с восхищением глядели на Мессию.

Когда этот красавец с видом завоевателя направился к городу, из толпы кричали:

— Добро пожаловать, сын Эвпейта, гордость нашего острова, надежда народа!

А кто-то даже выкрикнул:

— Да здравствует наш царь!

Ничего себе! Приехал, чтобы стать царем, под видом жениха, вооружившись не только красотой и богатством, но и мечом! Так ему вздумалось! Целует и бьет! Только молодечество у него показное!

Когда Одиссей собирал храбрецов на войну, этот красавчик удрал и скрылся у себя на Кефаллинии, подобно Эвримаху, спрятавшемуся под материнским подолом. Раз уж им удалось спасти свою шкуру, а опасность возвращения царя все уменьшается, они опять явились свеженькими, как огурчики, и хотят жениться на мне, чтобы захватить престол! Они требуют, чтобы я отдала им государство со всеми богатствами, а вместе с ним и самое себя, сокровище сокровищ и царство царств!

Этого новичка я хорошенько обработаю. И не допущу встречи с тем, другим, пока не запятнаю его так, что ему всю жизнь придется оттирать рыло.

Я быстро спустилась с террасы и велела Долию с десятью дворцовыми ликторами задержать их на площади.

Там Долий преподнес Антиною от моего имени серебряный поднос с караваем хлеба и солью и сказал, что я жду его во дворце, желая оказать гостеприимство, пока будут приводить в порядок его дворец.

Ему же только этого и надо было! Покручивая ус и улыбаясь, он свернул с дороги.

Ворота сразу отворились, и он въехал верхом на коне в сопровождении своих воинов.

Две мои доверенные служанки, Мирто и Хрисанфи, встретили его и провели в баню. Долий принял жеребца и отправил на конюшню, а воинов — в казарму.

В бане ждала его я. Первым долгом я приветствовала его, а потом, по обычаю, собственноручно вымыла, не говоря ни слова и не давая ему открыть рта — и глаз! Я хорошенько отскоблила его золотой скребницей, обмыла горячей водой, а потом натерла благовонными маслами, накинула на него новый хитон и уложила на мягкий диван отдохнуть.

Прежде чем уйти, я передала ему два ключа:

— Это от твоей комнаты, а это от моей: честь и смерть. С первым ты найдешь ночью покой, со вторым войдешь в вечную ночь, от которой нет пробуждения. Когда будешь проходить мимо моей комнаты, положишь ключ у порога. Кто посмеет переступить его (а его еще никто не переступал), оттуда уже не выйдет.

Он молча засунул оба ключа в карман. Он уже остыл. Я сломила его дерзость!

Поздно вечером мы сели за стол вдвоем, друг против друга.

Он пил, пила и я. Он недоумевал. Во дворце его молодчики ели и пили вместе с моей стражей. А опьянев, стали приставать к моим людям:

— Породнимся с помощью богов!

Мы сидели в зале одни и молча ели. Когда юноша попытался заговорить, я его оборвала:

— Я буду спрашивать, а ты отвечать! Зачем ты явился на Итаку?

— Жениться на тебе. Раз ты не хочешь выйти за другого — и правильно делаешь, — выйдешь за меня, я же лучше всех.

— Так тебе кажется. Но ты скоро поймешь, что лучший из мужей — это я. Поэтому мне не нужен супруг; мне нужны слуги. Тебя я пригласила во дворец, чтобы сделать другом и чтобы ты не вошел в сговор с бесстыжим сыном Полиба. Это в твоих интересах. Как друг, ты многое выиграешь, как жених, то есть враг, ты потеряешь все. Подумай!

Когда стемнело и мои служанки зажгли факелы, множество теней заплясало вокруг нас и на нас — и в его голове. Вино подействовало. Я была все время начеку. Я встала с места, он тоже послушно поднялся.

— Спокойной ночи.

Он вынул ключ от моей комнаты и протянул его мне:

— Он мне не нужен.

— И мне! Дверь моей комнаты всегда открыта, — ответила я ему жестко.

Ночью дворец и весь мир погрузились в бездну тишины, и я услышала в коридоре тихие шаги. Это был он. Но он не

остановился ни у моей комнаты, ни у своей. Пошел дальше, к комнате Мирто. Толкнул дверь. Она была открыта.

Как! И он тоже?

Ну и пусть!

Прошла неделя, а Антиной и не думал убираться восвояси. Эвримах бесился и грозил убить его. Прекрасно. Значит, пора его прогонять. Пусть идет и дерется с тем, другим.

На восьмой день утром я вызвала его в зал.

— Ты, наверное, скучаешь! Не желаешь ли поразвлечься, сыграть со мной во что-нибудь?

— Во что? В кости?

— Я не играю в кости. Я играю мечом. Я уже говорила тебе, что лучший из мужей царства — это я. И докажу это.

— Мне стыдно драться с женщиной. Дай мне самого сильного из твоей челяди.

— Самая сильная — я. Идем!

Во дворе нас ждали Долий и Мелантий: один держал мое оружие, другой — его.

— Возьми меч и встань на расстоянии четырех шагов. Когда я сосчитаю до трех, защищайся!

Его молодчики и мои стражники растерянно смотрели на нас.

— Всем положить оружие наземь! Пусть слуги заберут его и запрут в арсенале до конца боя. А то, чего доброго, затеют драку между собой!

Потом, обращаясь к Антиною:

— Если будешь побежден, станешь моим слугой!

— А если ты будешь побеждена?

— Меня никто не сможет победить, никогда и ничем!

— А если судьба поступит наоборот?

— Тогда ты станешь моим мужем. Только мужем, но не царем!

В тот момент Паллада сделала меня божественно красивой и сильной. И вместо одной души вселила в меня десять!

— Раз! Два! Три!

При слове «три» я кинулась на него, как ястреб на голубя. А он, как голубь, уклонялся то вправо, то влево, стараясь

избежать моих ударов. Долго гревели и звенели мечи, латы, щиты и шлемы. Я не дала ему дух перевести.

Подобно тому как с противоположных горных вершин срываются ветры, сцепляются между собой и, обнявшись, с бешенством и ревом кусают друг друга, а сухие ветки, земля и вода вздымаются ввысь и кружатся столбом так быстро, что мысль не поспевает за ними, и черные вороны на вершине столба тщетно пытаются, подставляя железную грудь, пробиться сквозь вихри, чтобы укрыться в пещерах, — так и мы бились с бешенством и ревом, как встречные ветры!

Я летала, будто архангел, и била его своим мечом, но рукою Афины!

Он был совсем измотан и страшно побледнел. Тогда я нанесла ему тыльной стороной своего меча сильный удар по пальцам, и меч выпал у него из рук.

Я подняла его и возвратила Антиною.

— Держи! Им ты будешь служить мне и станешь первым архонтом в государстве... А пока что собери своих молодчиков и отправляйся восвояси!

— А их оружие?

— Останется здесь. Тебе оно не нужно. Пока я жива, я буду защищать и тебя, и твоих людей. Я!

Бунт черни

Факел Эриды светит намного дальше, чем видит глаз Возмездия. Этот факел всему виною, ибо он внезапно возник из преисподней и зажег пожар на Итаке и на всех островах. Но в этом повинна и я, потому что не считалась с могущественной богиней и до сего времени не удосужилась воздвигнуть ей даже жертвенника. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда, и я приказала воздвигнуть в ее честь великолепный храм с двумя колоннами у входа.

Факелом Эриды оказался язык Терсита. Я совершила ошибку, не повесив его тогда за язык на виду у всех! А он сбежал с каменистого острова, тайком вернулся на Итаку и поднял народ против архонтов.

В тот момент меня не было. Я отправилась вместе с доблестными архонтами, без Эвримаха, как атаманша пиратской армады, грабить побережье Албании.

Этот год был, правда, худшим по сравнению с прошлыми. От суховея, болезней и морозов погиб урожай на полях, в оливковых рощах, огородах и виноградниках. Бедняки не смогли выплатить архонтам долги. И, конечно, по «законам богов и людей» долги погашаются кандалами.

Рабы тоже не образумились. Они не только не работали, но вдобавок разоряли имения. И архонты вынуждены были, опять-таки согласно «законам богов и людей», сечь их до смерти или вешать.

И тут — будем откровенны! — самым справедливым оказался Эвримах. Он забил до смерти и повесил больше всех. И тогда случилось неожиданное, то, чего не случалось с сотворения мира: своими же цепями рабы избили богорожденного архонта.

И убили бы его, если бы не подросли слуги. Ему сломали левую руку, и теперь она висит у него на перевязи.

С Итаки факел Эриды перекинулся на другие острова. Всеобщий бунт черни. Многовековую ненависть эти плебеи вознамерились выместить за несколько дней!

Архонты заперлись у себя в замках. Их слуги разбежались; и тогда снова появился Терсит — этот безбожник, факел Эриды! Он их вооружил, собрал всех вместе, заставил поделить между собою деньги и сформировать правительство!

Захотели, видите ли, народовластия! Я пыталась выяснить у старейших мудрецов государства, что означает это слово, но никто не мог мне объяснить. Потому что никогда такого не было и быть не может!

Вооружились даже женщины и дети — эринии и дьяволята! — топорами и палками. Они захватили лучшие позиции на островах и охраняли свои «права»!

Попав в такую переделку, архонты тайком отравили корабль к берегам Албании просить меня вернуться назад, чтобы спасти их... А что я говорила?

Я быстро собрала своих храбрецов и вернулась на Итаку. Была ночь. Я направилась прямо ко дворцу и подняла стражу, которая тоже заперлась от страха в крепости. Мне, богорожденной царице, которой подобает воевать только с Титанами, было стыдно унижаться и биться с какими-то негодьями!

Светало. Никто не подозревал, что я вернулась. Всех встречавшихся на дорогах и в имениях я хватала и вешала. Окружала деревни и предавала их огню. Приказала резать стариков и детей; насиловать женщин; грабить приданое девушек. Терсит с теми, кого сумел собрать, чтобы оказать мне сопротивление, потерпел поражение. Его немногочисленные приверженцы погибли, а оставшиеся в живых разбежались. Он остался один и дрался против двухсот воинов, пока не был убит. Уже мертвого, я повесила его за язык! Исполнила свой обет. Через два дня колесо истории снова завертелось нормально. Порядок!

В назидание другим я на глазах у всех бросила собакам все мясо, привезенное из набега, чтобы знали, что наши верные псы достойны лучшей пищи, чем наш неверный народ!

Ночью во сне ко мне пришла моя покровительница Паллада, потрепала меня по щеке и сказала:

— Молодец!

Внешне воцарилось спокойствие. Но в глубине все клокочет. Клокочет ненависть. Вождем народа стал сын Терсита. Он тоже Терсит! Терсит Второй. Проклятое племя! Убиваешь одного, вырастают десять. Он ушел в горы, вместе с ним много мятежников. Другие ушли на Кефаллинию, на Лefкас, на Джанте, в Румелию. Будут новые виселицы и сожженные деревни!

«Покорившимся» я прибавила часы работы, урезала заработки и сломила их двойными поборами. Таким образом я возмещу причиненный ими ущерб и научу, вкусив худшее, не требовать лучшего!

Перепуганные архонты с Итаки и других островов побоялись оставаться у себя в имениях и для большей безопасности укрылись во дворцовой крепости, хотя у них были и оружие, и телохранители.

А теперь они расселись и не желают убраться отсюда. И вот со временем я стала сознавать, что не они были моими узниками, а я сама стала их узницей.

Кого только сюда не принесло! Первый и самый лучший — Эвримах, любимый сын Полиба, и сам Полиб вместе с ним! Потом Антиной, единственный сын Эвпейта; Писандр, сын Поликтора; Амфином, сын Ниса; Агелай, сын Дамастора; Хтесипп, сын Политерса; Лиокрит, сын Эбенора; прорицатель Леодий, сын Ойнопа; Демоптолем, Эвриад, Элат. Больше пятидесяти. Вначале они дрожали от страха, но когда миновала первая буря, пришли в себя и осмелели. Я велела им собирать пожитки и своих людей и возвращаться обратно к себе в замки. Им нечего и некого бояться, пока царствую я, амазонка! И вместо того чтобы бояться, как бы их не убили, пусть сами убивают.

А они и не думают двигаться с места. Чувствуют себя как дома, разгуливают, бряцая моим же оружием. Господа и хозяева. Отсюда, из дворца, говорят они, им сподручнее защищать и свои владения, и престол, и отечество! Вот и опустошают мои амбары, мои бочки с вином и мои стада.

Каждый день во дворе режут по двенадцать баранов, по восемь откормленных свиней и еще по два теленка. Режут, свежуют, опаливают и жарят на вертеле, ничуть не смущаясь тем, что я все вижу. Пируют, поют и пляшут. И заставляют Фемию петь под кифару новые «славные деяния мужей», царей, уехавших воевать против Трои. Однако они запрещают ему называть имя Одиссея! Говорят, будто эти неправдоподобные песнопения сочинил какой-то великий поэт. Его зовут не то Амер, не то Томар или как-то в этом роде!

Они начали домогаться моих рабынь и служанок. И не только они сами, но и их молодчики. И, заражаясь их примером, то же самое стали делать и мои воины, слуги и рабы. Они испоганили мне храм Добродетели!

Мои люди больше не повинуются мне. Предпочитают архонтов, ибо с ними им живется лучше!

Если бы дело было только в этом! Но архонты настолько обнаглели, что опять затянули старую песню: жениться на мне! И каждый день шлют ко мне сватов и дары!

Сколько ночей уже я не смыкаю глаз. Нервничаю! Ах, если б неожиданно вернулся Великий Государь, герой среди героев, мудрейший из мудрецов, Одиссей... или еще кто-нибудь. Иначе придется обратиться за помощью к другому царю.

Гомер

Свет очей наших! Вот и к нам пришел величайший, как говорят, поэт нашего времени. Гомер! Так его называют, но даже самим богам неизвестно, настоящее это имя или нет и откуда он родом. Скоро он постучится и в мою дверь. У меня же нет ни малейшего желания его слушать. Надоели мне эти бродяги. Они все врут. Если я и держу еще Фемию, то только ради Одиссея. Он сам привел его, и нехорошо будет, если не застанет, когда вернется.

И до войны шлялись — а теперь их развелось еще больше — из страны в страну эти стихоплеты и воспевали своими противными осипшими голосами (пьяницы все жуткие!) во дворцах царей и богачей невообразимые подвиги героев из рода того, кто им платит.

Я приказала привратникам в случае, если он забредет и ко мне, дать ему монетку и выпроводить.

Прошла неделя, а он все еще не появлялся во дворце. Неужели пошел сначала к Эвримаху и Антиною? Это не в моих интересах. Они могут подучить его сказать мне, будто Одиссей погиб. Нужно поскорее послать за ним.

Он утверждает, будто был в Трое и водил компанию со всеми военачальниками ахейцев; ел, пил с ними и даже сражался. Большинство этих бродяг не заходило дальше Эгрипа и Ньюкастро. Да и каким образом он смог увидеть все то, о чем поет, если он слепой?

Однако ходят слухи, что этот слепец — великий мастер. Сочиняет сказки для людей с таким же искусством, с каким хромой кузнец Гефест изготавливает жаровни и щипцы для богов.

Хотелось бы его послушать.

Я послала за ним в город Долия. Конечно же он должен был направиться сначала в замки богачей. Но Долий нигде не нашел его! Может, это все враки?

Проходя по кварталам, где живет простой народ, Долий на всякий случай присматривался. И однажды ночью в портовой таверне повстречал чужестранца, который пил с местными грузчиками и рыбаками — подонками острова. На плече у него висела кифара.

— Кто это? — спросил Долий.

— Этот? Откуда нам знать? Мы не имеем привычки расспрашивать. Хватит того, что он здорово пьет и платит за себя. Может, он бродячий торговец или вор, а может, и убил кого-нибудь у себя на родине, да успел удрать.

— Он играет на кифаре?

— Что ты! Говорит, что продает ее.

Тогда Долий обратился к нему самому:

— Кто ты, дружище?

— А тебе что за дело? Опрокинь стаканчик да заткнись.

— Я — посланец царицы. Я — власть!

— Ба! С помощью струн вот этой кифары я могу создать столько царей и даже богов, сколько захочу! А если рассержусь, то могу их и уничтожить! Стану я выполнять приказы слуг моих созданий!

Он был пьян.

Ухватившись за стол, чтобы не упасть, он поднялся, сложил ладони рупором у рта и прокричал:

— Гомер! Первый поэт всех Эллад!

— Как, разве ты зрячий?

— Когда я пою, то закрываю глаза и кажусь слепым.

— Идем со мною. Тебя хочет видеть наша высокочтимая повелительница.

Так рассказывал Долий, когда представлял его мне, и все покачивал головою с таким видом, будто хотел сказать: не нравится мне эта рожа!

Была глубокая ночь. Горели в подставках факелы. Пламя и тени, колыхавшиеся в пространстве, как бесплотные руки,

тщетно пытающиеся за что-нибудь ухватиться, цеплялись за его лицо, делая его похожим на привидение.

Он смотрел на меня добрым и гордым взглядом. Седые волосы, седая борода, серое лицо.

— Почему ты шатался по тавернам, а не пришел сразу же ко мне и не воспользовался моим гостеприимством?

— Я пришел бы через несколько дней. Так я поступаю в каждой стране, куда прихожу. Сначала я хочу познакомиться с народом, с его несчастьями, нуждой, невежеством, болезнями. Из глубин черной бездны я с еще большей страстностью возношусь к вершинам Благородства и Духа! Там, в вышине, я забываю то зло, которое познал, и с еще большим пафосом возвеличиваю то, что мне кажется добром, согласно канонам вечного искусства и в соответствии с его единственной целью — Идеей! Я — созидатель, а не зеркало. Творец богов и царей, а не гончар, лепящий простых людей!

— Сядь. А теперь скажи, между нами, ты действительно настоящий Гомер или только поешь песни того, настоящего?

— Можешь испытать меня. Закажи мне гимн, и если он не окажется лучшим из написанных когда-либо, пусть меня не зовут более Гомером!

— Где ты родился?

— Везде и нигде. Я сын реки Мелета и одной из nereид — Кретеиды. Когда весной вода бежала, пенясь, через рощи и ущелья, я был зачат в утробе матери и родился в воде. У меня нет ни родины, ни крова. Потому-то целая дюжина городов и спорит между собою за то, чтобы называться моею родиной: Смирна, Самос, Колофон, Саламин, Афины, Кима, Ньюкастро, Нью — и даже Итака! ... Некоторые из них уже изобразили, другие же еще изобразят мою кифару на своих оболах *, чтобы доказать, что не я их детище, а они — мои дети!

Я же принадлежу всему миру и всем временам! Потом будут говорить, что я был не один, что нас было много. Но я объединил многих в Одного.

— Ты видел войну своими глазами и близко знал героев?

* Обол — в Древней Греции — мелкая монета, равная $\frac{1}{6}$ драхмы.

— Видел своими глазами и слышал своими ушами. Только это не имеет значения. Своим воображением!

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о войне. О Елене, о...

— Ты больше женщина, чем царица. Начинаешь с соперницы, а не с мужа!

— Так ведь война-то началась из-за нее! И потом, я боюсь услышать правду о своем муже!

Он встал со скамьи. Взял кифару, откашлялся и поглядел на потолок. Я тоже поглядела! Интересно, что он там видит? Ничего! И вот он начал хриплым голосом, тихо и неторопливо, как человек, которому предстоит долгий путь:

— «Гнев, о богиня, воспой...»

— Прекрати! Это я слышала тысячу раз на тысячу ладов. Мне нужна История, а не Поэма. И не внешняя сторона Истории, не внешний лоск, а ее нутро.

Он весь как-то сник, словно я вылила на него ушат холодной воды. Руки безжизненно повисли, а сам он рухнул на скамью, как надутая волынка, которую проткнули ножом.

— Так-то! Сидя, не станешь парить и не будешь повышать тона. Я хочу, чтобы ты беседовал со мною, а не пел мне!

Он сжал виски ладонями, нижняя губа у него отвисла, как у лошади, когда на нее надевают недоуздок.

— Горе мне! Подобно тому как страдающий двусторонней грыжей не может быть уличным разносчиком, так и говорящий правду не может быть придворным певцом. Не может он быть и царем. Наши сословия немного схожи! Вот ты, например, говорила ли ты когда-нибудь правду хотя бы наполовину?

— Я знаю все правды, но никогда не высказываю их вслух. Ты же скажешь мне то, что знаешь, а не то, что обычно говоришь.

— Трудная задача! Переступая порог дворца, я чувствую, как возношусь и парю в мире Совершенства, словно лунатик! А ты хочешь, чтобы я представил себе, будто нахожусь в фелюге угольщика или в таверне. Если я хотя бы на миг покажу войну такой, какова она на самом деле, и лишу героев-царей ореола красоты и идеала, что останется? Ничего. Все превратится в пыль и прах — грязь. И я сам, говорящий

об этом, и ты, которая будешь это слушать. В конце концов ты так рассвирепеешь, что прогонишь меня, не заплатив, если не избьешь еще вдобавок!

Да и как я смогу освободить свой мозг от лжи? Уж не так ли, как египетские бальзамировщики вытаскивают мозги — через нос? Ведь только мертвецы не лгут. А если кто-нибудь из них и лжет, то это означает лишь, что он живой. Ты требуешь, чтобы я умер!

Я чувствую, как у меня по позвоночнику, словно змея, ползет сильный озноб. Я дрожу! Дай мне немного вина, чтобы согреться. Для того чтобы лгать, я опьяняюсь Поэзией. Чтобы сказать правду, я должен напиться. Чтобы стать скотиной!

Я позвонила, вошла Мирто, и я приказала ей принести вина и два стакана.

— Выпью и я с тобой, чтобы быть в состоянии слушать правду. Чтобы и самой превратиться в животное.

После того как мы со смехом опустошили кувшин, он поворачивается и говорит мне:

— Раз ты знаешь Поэму, то можешь и сама обнаружить истину. Для этого нужно только вывернуть внутренность наружу, подобно тому как колбасники вывертывают бараньи кишки, чтобы их вычистить. Вот эти нечистоты из кишок и есть истина!

— Чем же еще я занимаюсь всю жизнь? Всегда я думаю обратное тому, что слышу; и всегда говорю обратное тому, что думаю. Теперь же я хочу, чтобы ты сам мне все это перевернул. Не приукрашивал события, а превратился в колбасника. И опять-таки я тебе не поверю!

— Странно! Все цари и богачи, к которым я приходил петь, заискивали передо мною, подносили мне подарки и льстили, хотели, чтобы я сочинял как можно больше небылиц и про них самих, и про их род. И все они были мужчинами. А ты, женщина, не хочешь лжи?

— Хочу, и даже очень. Но только для других. Если ты вздумаешь говорить правду вне этих стен, я тебя повешу!

— Начнем с Елены. Ты слышала легенду и поэмы о том, как Парис похитил Елену. Так вот! Ни Парис ее не похищал,

ни прекрасной она не была. Он — да! Он был прекрасен! И она его похитила!

Парис был мальчиком. У него еле усики пробивались. Невинным мальчиком, воспитанным в неге. Стыдливым. А Елене было уже за тридцать. И в любви она была умудрена. И была бесстыдной. Откормленная кобылица. Ее уже однажды похищали. К тому времени она уже дважды рожала и имела двух дочерей: одну внебрачную, другую законную. Ифигению и Гермиону.

Когда она была пятнадцатилетней девчонкой, ее похитил Тесей. Привез в Аттику и спрятал в Кюрке. Оттуда ее выкрали обратно ее братья Диоскуры и отвезли в Микены к своей сестре Клитемнестре, чтобы она могла там тайно родить. И Клитемнестра выдала Ифигению за собственную дочь, чтобы прикрыть позор незадачливой сестры.

Как мог Парис, который совершенно один в горах видел обнаженными трех прекраснейших богинь Олимпа — и это его не взволновало, — как мог он лишиться разума из-за увядшей немолодой женщины да к тому же у нее в доме, где он был связан по рукам и ногам священными законами гостеприимства?

Старый Приам отправил его в Элладу изучать людей. Чтобы он увидел и узнал «многих людей обычаи и образ мыслей». Чтобы познакомился со знаменитыми царями Запада после того, как познакомится с величайшими султанами Востока: персидскими, ассирийскими, еврейскими, египетскими.

Сначала он поехал к Менелаю, самому счастливому царю Мореи, потому что у него была самая скандальная в мире жена. Но приехал он ради Менелая, а не ради его супруги. Оттуда он должен был направиться в Ньюкастро и познакомиться там с самым мудрым царем — славным Нестором. Потом — в Микены, к самому богатому царю Агамемнону, который еще при жизни выстроил себе гробницу из чистого золота! И наконец, он приехал бы и на Итаку, чтобы познакомиться с хитрейшим царем Эллады Одиссеем, у которого была

честнейшая жена, — только у хитрецов бывают честные жены!

— Мерзавка! Она не пустила его сюда!

— Будучи скромным юношей, погруженным в занятия, он, живя в Спарте, только и делал, что читал, играл на лире, плавал в Эвроте и охотился на кабанов в лесах Тайгета. И ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть в глаза царицы.

Когда Парис уходил на охоту, Елена просто места себе не находила. Вдруг, не ровен час, поутру он встретит в лесу сходящую с ума по мужчинам богиню девственности Артемиду, обольстительницу, совратившую уже много мальчиков: Адониса, Аттиса, Эндимиона, Ипполита. Ей надо было успеть.

Смуглый, сильно загорелый мальчик, с вьющимися волосами, лишь тень на верхней губе, а душа сияла в улыбке. И непорочный. Именно это обстоятельство и сводило ее с ума. А если уж в нее вселялся бес, ничто не могло удерживать ее.

И вот Елена посылает своего мужа на Крит за бусами и целебной травой (болван ни в чем ей не отказывал), а также за волосом Минотавра, чтобы родить мальчика! Оставшись вдвоем с юношей, она тотчас же зазвала его к себе в комнату. И сказала, дрожа: «Ты возьмешь меня со всем моим приданым и со всеми сокровищами царства, и мы убежим из этого ада! Уедем к тебе на родину и будем жить в шалаше. Мужа я ненавижу. Он стар и глуп. Ты — первый мужчина, которого я по-настоящему полюбила».

Мальчишка разревелся. Это еще больше разожгло ее: «Если ты откажешься, я донесу Менелаю, как только он вернется, что в его отсутствие ты пытался меня обесчестить. Если тот, кого женщина любит, не желает ее, она способна совершить самые страшные преступления. Так Сфенобея нагала своему мужу Прету, царю аргивян, будто его друг Беллерофонт хотел переспать с ней, когда она этого не хотела, — как будто если бы захотела и она, то это было бы в порядке вещей! И Прет, легковерный, как все рогоносцы, убил своего друга, сына Посейдона, здоровенного верзилу, умертвившего трехглавую Химеру, оседлавшего Пегаса и поднявшегося на нем

на Олимп!.. Точно так же и дочь Миноса и Пасифаи (любовником которой был бык), царица Афин Федра, когда ее пасынок, прекрасный, как бог, Ипполит, непорочный друг богини девственности, не пожелал ее, разорвала на себе одежды, распустила волосы и побежала к мужу, вопя: «Ипполит хотел меня обесчестить! Я не могу больше жить в этом мире!» И Тесей, такой же легковерный, как и Прет, убил единственного сына. Я рассказываю тебе все это потому, что ты не знаешь истории царских семей Эллады... Все в таком же духе, а то и хуже!»

Услышав это, Парис испугался. И чем больше он бледнел, тем сильнее она краснела от страсти. Он лепетал: «Я не умею...» «Научишься!» — отвечала она. От страха он обещал бежать с нею в ту же ночь, как только скроется луна.

Обрадованная Елена приготовила возок, запряженный четырьмя мулами. Нагрузила его ящиками с драгоценностями и с нетерпением поглядывала на луну, которая передвигалась так медленно! А юноша, как только стемнело, вывел из конюшни рысака и во весь опор помчался к морю в надежде найти там лодку и уплыть в открытое море — пусть даже утонуть! Только бы удрать от этой менады!

Когда ей доложили об этом, она рассвирепела. Села в возок вместе со своим доверенным скопцом, хорошим конюхом и еще лучшим лодочником и приказала гнать мулов. Она настигла Париса на молу в тот момент, когда он отвязывал рыбачью лодку. Схватила его, связала, бросила в лодку и, подняв паруса, взяла курс на Марафониси.

На Марафониси она его развязала. Они провели там три дня и три ночи, лежа под соснами на ложе из укропа и мяты. Чем больше мальчик стонал, тем громче она вскрикивала. И вздыхали горлинки в гнездах.

— Вот подлая!

— Когда вернулся Менелай с бусами, травой и волосом Минотавра, ему хотели поведать о постигшем его большом несчастье осторожно, чтобы он не упал в обморок. Уразумев, в чем дело, Менелай запрыгал от радости. Ему только этого и

надо было. Надоела ему эта мегера! За пятнадцать лет супружеской жизни он не слышал от нее ни одного доброго слова. Только злоба, глупость и ложь! Ни ума, ни души. Пустая и холодная. Холодная и пустая с ним!

Он приказал принести еды и чего-нибудь выпить. Никогда еще у него не было такого аппетита. То и дело потирая руки, он посмеивался про себя: «Теперь я потребую, чтобы отец похитителя заплатил мне вдвойне и втройне против того, что взял у меня его сын. И отдельно за душевные страдания! В случае отказа — война. Если он согласится, все равно война; я не возьму ее обратно.

Вопрос уплаты я сделаю вопросом чести. Так мы поступаем всегда. Чести не только моей, но и Эллады! И не только ее царей, но и ее народов!»

И он поспешил в Микены, чтобы посоветоваться с братом. Потирал руки и тот, старейший из царей Мореи. Откуда ему было знать, что впоследствии и ему, как и его брату, придется тереть лоб. Лишь одна царица сохранила честь и своего мужа, и Эллады. Пенелопа! Богиня Верности и Добродетели!

— Сочини обо мне песню.

— Сейчас! Помоги мне, бог света!

Он просто преобразился. Засветился с ног до головы, окунувшись в свою стихию. Но у меня было такое впечатление, что песню эту он сочинил уже давно.

Дай, Гелиос, колесницу
свою мне, чтоб мог я взвиться
туда, где парит гора
над миром, где Додекада
богов сияет — Эллада —
их мать, дитя и сестра!

Зажгу я над той горою
преданий солнце второе,
что первого пресветлей:
твоей, Пенелопа, чести
светило, чтоб люди вместе
с богами молились ей.

Богов в их чертогах вышних
и даже солнца затмишь ты
невинность и благодать.
И скажет тебе светило,
чтоб ты на земле светила,
ему ж в небесах сиять*.

— Прекрасно! — холодно сказала я ему, чтобы скрыть радость. — Я сделаю эту песню царским гимном. Его будут петь и играть в казармах, в школах, в храмах; на войне, на прогулках, на праздниках; на свадьбах, на крестинах, на похоронах. И каждый день при подъеме флага!.. Это действительно Гомер!.. А теперь продолжай рассказывать. Когда кончишь (уже занемалась заря), зайдешь в казну.

Услышав слово «казна», поэт весьма охотно продолжал:

— Двое сыновей Атрея отправились по крупнейшим городам Мореи. И разослали по всей Элладе глашатаев поднимать царей, архонтов и народ. Прежде всего народ!

Прибыв в какой-нибудь город, они начинали звонить в колокола и созывать народ на площадь. Потом, нацепив золотые доспехи и взобравшись на стул, Менелай обращался к собравшимся своим громовым голосом:

«Мужи ахейские — аргивяне, коринфяне, демицаниты, триполийцы, патраиты, бостициты, калаврители — откуда бы вы ни были родом — столпы Мореи, хитроумные, способные подковать блоху! До вас дошли печальные вести. Мы, эллины, можем не иметь ни земли, ни воды, ни хлеба. Зато у нас есть честь. Во имя чести мы живем. И ее у нас отняли. Троянцы, наши «извечные» враги. Они завидовали нам из-за того, что у нас была прекраснейшая в мире женщина, наша божественная Елена, Идеал! Ибо она была не просто моей женой, она была нашей радостью и гордостью и женой всего эллинского мира. И эту радость и гордость у нас похитили.

А теперь подумайте сами. Я найду женщин сколько захочу. Вам же другой Елены не найти. И позор падет не на меня — я стою слишком высоко! Он падет на ваши головы. И ради

* Перевод А. Величанского.

вас я требую отмщения. Кто чувствует, что в его жилах течет чистая кровь расы, кто чувствует, что его лицо жжет каленое железо оскорбления, кто слышит в груди своей голос богов — пусть берется за оружие и присоединяется к нам. Чтобы наказать чужеземного царя и отвоевать наше сокровище, Елену. Наказать и народ Трои, ибо он повинен в том, что у него такие цари, а он не восстает и не наказывает их сам».

Но ведь он обращался к мораятам! Они смотрели на него, прищурившись, и не прямо в глаза, а на лоб. И тогда Менелай стал выдвигать самые веские аргументы:

«Мы не только снимем с вас позор, но и обогатим вас. Известно ли вам, что за страна Троя? Это рай! Бескрайние поля и луга; реки с золотоносным песком; пещеры, полные драгоценностей; неисчислимые стада коров, коней, коз и овец. А женщины — красивые и толстые, целыми днями толькокупаются, вкушают шербет да натираются всякими благовониями. И с ума сходят по чужестранцам! Сами на шею вешаются!

Все это ваше, и сверх того — пятьдесят дворцов Приама, каждый богаче самого Олимпа!

Каждый из вас делается султаном и будет иметь собственный дворец и собственный гарем. Кто захочет остаться там навсегда — пожалуйста! А кто захочет вернуться обратно в Элладу, сможет купить целое царство! Таким образом, все вы станете предками царей, а боги — вашими предками!

Так мы спасем эллинскую цивилизацию, которая подвергается опасности, и самих себя. Оставьте мы их безнаказанными, наших женщин станут похищать все кому не лень.

Если бы троянцы и не оскорбили нас, все равно они не должны существовать. Они не эллины! Они говорят на нашем языке и поклоняются нашим богам, но ведь и их они у нас украли. Мы отнимем у них своих богов и отрежем им язык!

Итак, да здравствует война за Честь и честь войны — Добыча!»

— Все это мне знакомо. То же самое втолковывал итакийцам Одиссей.

— Была весна! Тысячи авантюристов, голодных и босых,

собрались в Авлиде, а вместе с ними более ста царей, сверкавших среди них, как золотые лопаты, воткнутые рукоятями в кучи мусора и навоза. Сто тысяч душ и тысяча сто восемьдесят кораблей, говорится в Поэме. Зачеркни по нулю и получишь верное число. С крестом, вышитым на груди или на рукаве, двинулись в поход спасители бога — каждый за себя самого.

Подобно тому как внезапно разражается ураган, который тысячью разъяренных демонов обрушивается из черной бездны туч крупным градом, ревущими и сверкающими молниями перевертывает моря снизу доверху, и корабли бегут во весь опор, торопясь найти пристанище, но не успевают, а пересохшие реки низвергаются с горных склонов мутными потоками, несущими грязь, и в своем беге вырывают с корнем деревья, выворачивают камни, сносят дома, топят людей и животных, и никакой бог не в силах унять ярость стихий, так и армада героев Идеала, на какой бы остров Белого моря * она ни высаживалась, несла с собою ужас и разрушение. Как только бедные островитяне замечали издали приближение неистовых «братьев», они укрывались в крепостях, припирали двери бревнами и железными ломami, спасаясь от «спасителей». «Братья» и «спасители» хватали все, что попадалось под руку — а попадалось немало! А что нельзя было взять с собою, сжигалось!

Так они достигли Сигея, жаждущие крови и изголодавшиеся по воровству. И когда с восходом солнца, вскарабкавшись на мачты и снасти, они узрели красоту и богатство земли обетованной, то не поверили своим глазам. Золотые поля, каждый колос в рост человека, сады и виноградники, как зеленые волнующиеся моря, где было меньше листвы и больше плодов и виноградных гроздьев, где множество ручьев с кристально чистой водой струилось меж высоких олеандров, ив и верб. Легкий, будто дыхание, ветерок держал страну в своих объятиях, как возлюбленную, а она трепетала всем телом, словно живая... И все это принадлежало им!

* Так называли Эгейское море, особенно в районе проливов (в противоположность Черному морю).

— Я не желаю лирики!

— Да я шучу, Ваше Величество! Ведь ирония — это смеющееся лицо хмурой правды!

Кто мог их удержать. Едва бросив якорь, они как безумные стали выпрыгивать на сушу, словно и корабли, и море, и воздух были охвачены огнем. И жгли им ступни и лицо. Они падали на землю, раскинув руки, прижимая ее к груди, и целовали родину, словно вновь увидели ее после долгих лет, проведенных на чужбине! Свою родину, где были погребены кости их предков и которую освящали, веками ступая по ней, бесплотные ноги их национальных героев и богов! И все это принадлежало им! Как будто эти земли были воскрешены их потом, как будто их руки покрылись мозолями, обрабатывая их. Все вокруг взирало на них любящими глазами и приветствовало слезами: земля, камни, вода и небо, корни и цветы, каждая пташка, каждый червяк.

Это тоже лирика, Ваше Величество!

Сбросив наземь оружие, чтобы легче было бежать, они кинулись, словно укушенные оводом, захватывать участки получше, крича: «Мое!» И вбивали шесты с табличками: «Фрасей Кефаллинит», «Неарх Демиданит», «Клеант Кулуриот» — тысячи шестов, тысячи имен, тысячи волков. Они гонялись за запыхавшимися табунами женщин и кобылиц (невелика разница!), ищущих спасения в горах. А поймав, связывали и тащили к себе домой.

И тогда произошло то самое, неожиданное, но всегда прекрасное. Таща и грабя, они передрались между собою, и началась междоусобица. Воин убивал воина, военачальник — военачальника, а царь — всех. Даже под покровом ночи, успокаивающей страдания и смягчающей страсти, раздавался стук мечей и слышались последние вздохи умирающих.

На другой день рано утром один старый моряк, отправившийся под Тройю вместе с другими с отчаяния, вскочил на коня и поскакал по полю, крича:

«Безумцы! Стране этой нет конца. Вы же видите. Это не Сикинос — с ладонь! По ту сторону гор она еще богаче, еще прекраснее. Попав туда, вы бросите это и возьмете то. Но вам

ничего не удастся удержать, и у вас ничего не останется, если сначала не захватить крепость. Только тогда станут действительно вашими и эти земли, что вы видите, и еще многие, которых вы не видите».

— Мудрый старик!

— Конечно! Только в Поэме я сделал его царем. Говорю, что это был Нестор. Но у Нестора для этого не было времени. Как первостатейный вор, он ударился в грабеж, и его нигде не могли обнаружить.

Тем не менее слова старого моряка возымели действие. Все успокоились. И раскаялись. И стали оплакивать невинно убиенных.

Трупы снесли на берег, сложили в кучу и сожгли. Затем собрали пепел и похоронили в братской могиле. С музыкой, знаменами и речами. А над могилой водрузили высокий мраморный обелиск с надписью: «Первым героическим жертвам священной войны». Разбив затем палатки и усевшись на солнце, они стали начищать пояса, шлемы и башмаки (у кого были башмаки!). Точить мечи и копья и собирать камни для войны.

Совет царей составил и направил в крепость Трои и в окрестные села следующее послание:

«Народы Азии, известные своим процветанием и мудростью. Мы пришли не завоевывать вашу землю, а освобождать ее. Мы знаем, что вы — тоже эллины и наши братья. Ваш родоначальник — Тевкр, великан с Псилорита, в шароварах, с кушаком и черным платком на голове. У нас с вами одни и те же боги и один и тот же язык. Однако в течение веков вы постепенно забыли свое благородное происхождение. Мы пришли, чтобы снова сделать вас эллинами. Из рабов и пасынков Приама мы превратим вас в свободных и подлинных детей Девкалиона. Чтобы вырвать вас из когтей злой мачехи Трои и бросить в горячие объятия вашей настоящей матери (Богоматери!) Эллады!

Ваш царь и клика ваших архонтов — чужеземцы. Помогите нам прогнать их. Из вашего имущества мы не тронем и ломаной стрелы; а все богатство ваших тиранов мы отнимем, что-

бы раздать его вам. Благодаря нам вы станете хозяевами в собственном доме. В противном же случае мы накажем и вас.

Агамемнон Первый

Божией милостью царь эллинов»

Приам струсил. И послал гонцов сказать, что хочет с эллинами дружбы и любви, а не войны и ненависти; и что он отдает обратно Елену и ее сокровища в двойном размере! Но Менелай ответил: пусть оставит Елену себе, а эллинам отдаст пятьдесят своих дочерей и пятьдесят невесток. Пусть даст каждому воину по унции золота и передаст нам навсегда Сигей для гарантии, что больше не будет разбойничать.

Приам отказался. Тогда Кассандра, самая горячая и самая лучшая из его дочерей, которой хотелось быть отданной в лагерь эллинов ради спасения родины, так затосковала, что у нее помутился разум, и она стала прорицательницей.

Приам и его знать не поступили бы так, если бы не отказался сам народ. Народ же вместе с пятьюдесятью сыновьями и пятьюдесятью зятьями царя — военачальниками, испытанными в набегах и войнах, — организовал оборону. Лучший из всех, первый герой троянцев, старший сын царя Гектор превосходил нашего Ахиллеса в духовном величии. Наш — молодец-пират, тот — герой-патриот...

— Да ты учитель! В этих делах не бывает великого или более великого. Есть величайший: тот, кому везет, будь он хоть жуликом!

— Короче говоря, мужчины, женщины, дети стали чинить и укреплять стены. Никогда прежде эллинам не приходилось видеть такой крепости! Будто ее воздвигали не руки человеческие, а сами боги! В мифе об этом говорилось так: построили ее самые блестящие боги из Додекады — великий Аполлон, бог волн суши (коней), и Посейдон, бог коней моря (волн!).

— Сам-то ты веришь этим сказкам?

— Еще чего!

— Тогда зачем же ты их сочиняешь?

— Делаю политику: чтобы поднять достоинство эллинов выше достоинства богов, раз смертные эллины смогли овладеть крепостью, построенной бессмертными богами! За ложь хозяева

платят, а народы ей верят. И запоминают ее! В то время как правде они не верят (вот до чего вы их довели!) и забывают ее!

— Ты, видно, много знаешь!

— Такая у меня профессия!

Итак, миновал первый год, второй, третий, четвертый! Крепость не сдавалась, эллины же начали сдавать! И все больше падали духом. Ведь их убеждали в том, что они возьмут ее в течение нескольких месяцев! Но поскольку они разорили страну в первое же лето и ничего не посеяли, то теперь им нечего было есть. С наступлением страшной зимы, спустившейся с Гиперборейских льдов и со скалы Прометея, начался голод, и они стали совершать набеги сначала на ближние, а потом и на дальние страны вплоть до Бурсы и Фракии с целью воровства и грабежа. И конечно же, народы этих стран — ликийцы, фракийцы, фригийцы, дарданцы и множество других, всех не перечесать, — сделались врагами эллинов и союзниками троянцев. С каждым годом дела шли все хуже.

Тогда воины, которым все надоело, перессорились, разругались с царями, обманувшими их, и потребовали, чтобы их вернули на родину. Когда же на четвертом году в стане эллинов разразился мор, а первый герой Ахиллес повздорил с Агамемноном из-за каких-то бабьих дел, засел в палатке и перестал принимать участие в сраженьях, троянцы осмелели, вышли из крепости во главе с бесстрашным Гектором и отогнали эллинов к морю. А там горящими факелами и жестянками со смолой подожгли их корабли. Эллинское войско пригрозило царям, что если они не уедут вместе с ним, то воины перебьют их и уедут одни. В этот-то критический момент великий Одиссей и спас Элладу и ее честь.

Ни сильная рука Агамемнона, ни твердый лоб Менелая, ни огромный рост Диомеда, ни ослиное упрямство Эанта, ни быстрые ноги Ахиллеса, ни божественная мудрость старого Нестора — ничто не смогло сломить патриотизм и свободолюбие варваров. Его сломила лишь величайшая в этом лицемерном мире сила: ложь и предательство!

На последнем совете царей Одиссей говорил так:

«Иного способа овладеть Троей нет. Мы испробовали оружие,

испробовали голод, испробовали время. Остается лишь предательство. С него-то нам и надо было начинать...

Мы захватили много пленных. Среди них немало всякой швали, для них нет ничего святого. Эти люди могут пойти на любую подлость, лишь бы им хорошо заплатили. Некоторых из них я пошлю обратно в крепость — пусть рассказывают, будто им удалось разорвать цепи и убежать. А потом увидите, что будет!»

Сначала он поймал, а потом повесил несколько дюжин дезертиров для примера и в назидание остальным. И первым лучшего из них, их вождя Терсита...

— Терсита? Но ведь его повесила я!

— Это другой! Всех предателей и смутьянов зовут Терситами. Потом приказал эллинам начать конопатить и смолить корабли и спускать их на море, как будто они собираются уходить. Снять палатки и собрать все вещи, которые они не смогли бы утащить с собою (кровати, мебель, бревна, доски). Все это было сложено в кучи и подожжено, языки пламени достигали бойниц крепости. Потом он приказал зарезать мулов и лошадей — и все для того, чтобы, уходя, ничего не оставлять врагу.

Троянцы наблюдали за всем этим из крепости и радовались. Неужели они избавятся от иноземных грабителей? Уходят, проклятые, чтоб им никогда не возвращаться! И вот тут-то в крепость проникли наши «друзья», наемный сброд... Они предстали перед Гектором и другими вождями и сообщили, что ненавистные пираты уходят! И троянцы ослабили охрану крепости. Многие тут же стали веселиться, пустились в пляс. Архонты и народ! Конец войне!

Может, в Трое кто-нибудь и спал, «друзья» же наши не дремали. Однажды ночью они явились к Архелаю, из самого старинного рода Трои, который ненавидел род Приама, потому что тот отнял у него трон, и искал случая вновь овладеть им и отомстить, и сказали ему: «Так, мол, и так. Эллина поручили нам передать тебе, что, если ты поможешь им (а мы скажем тебе, как это сделать) взять крепость, они провозгласят тебя царем Трои и осыплют подарками и тебя, и нас!» Архелай согласился ради... Родины!

На третью ночь в назначенный час и в условленном месте

Архелай со своими людьми открыл заднюю дверцу крепости, которую ему доверили охранять, и, пока все безмятежно спали, впустил тысячи эллинов. Вскоре весь город был захвачен. Захватчики поджигали кварталы, где жил простой люд, и резали бедняков. Богатые кварталы, дворцы архонтов и царские дворцы они не тронули. Как не тронули никого из архонтов или из царской семьи. Дворцы Приама были нужны, они должны были перейти к Архелаю. И архонты были нужны: на другой же день они стали бы вернейшими друзьями нового царя и честнейшими слугами иноземных «освободителей».

Так и случилось.

Три дня и три ночи продолжались пожары, резня, грабежи и насилия над беднотой. Еще текла кровь по уличным канавам, небо темнело от дыма и копоти, когда архонты Трои, одевшись в самые блестящие одежды, улыбающиеся и гордые, пройдя сквозь шеренги «национального» и «союзного» войск, проводили Архелая в храм и «увенчали» его короной царя «освобожденной» Трои! Народ молчал. И думал о том, что теперь ему придется кормить вдвое больше тиранов: и местных, и иноземных!

Наши дали Архелаю советников-эллинов, чтобы он всякий раз спрашивал у них, как поступать. Иными словами, чтобы они ему приказывали. Первым и самым лучшим из них был Одиссей! Народ разоружили, а для порядка была поставлена охрана. Царь Архелай и градоначальник в знак благодарности дали крупнейшим улицам Трои эллинские названия, присвоив им имена самых жестоких убийц троянцев: улица Ахиллеса, улица Агамемнона, улица Менелая, улица Тидея, проспект Одиссея, площадь Пенелопы и прочее. Таким образом, своего у Трои осталось только ее лжецарь, ее пустое название на бумаге, выливавшееся знамя и «независимость». Во всем остальном она превратилась в колонию эллинов.

Прошло несколько дней. Еще не успели высохнуть слезы и кровь народа, как началась охота на «предателей». «Предателями» оказались те, кто воевал против эллинов, а «патриотами» — те, кто предал родину!

Теперь у них была власть.

— А Елена?

— Она исчезла. Среди тысяч рабынь, которых ахейцы связанными отводили к морю, чтобы потом продать или увезти с собою, была и Елена. Но кто бы мог узнать ее? Богоподобная дочь Лебеда, Идеал, ничем не отличалась теперь от простолюдинок! Представь себе ее положение! Вместе с другими забракованными она была продана каким-то сарацинам-работорговцам. Те отвезли ее на Родос и продали царице Поликсо, причем ни они сами не знали, кого продают, ни та не знала, кого покупает.

Елена совсем пала духом. Столько лет (а ведь, в сущности, она была неплохая, только несчастная; виною тому ее горячая кровь) она жила самой мученической в мире жизнью! Эллины ругали ее почем зря и не убили только потому, что не нашли. Троянцы плевали на нее и не убили только из страха. Лишь мы, поэты, возвеличили ее! Попав в руки царицы-эллинки, она решила, что теперь ее мукам наступит конец. И открылась ей. Тогда Поликсо пришла в дикую ярость. Из-за этой вот прелюбодейки погиб на чужбине ее муж, царь Тлеподем, сын Геракла! И в отместку повесила ее на дереве.

— Бедняжка!

— Жалеешь, потому что ее уже нет. А если бы она была жива, ты бы ее ругала.

Так окончился этот великий поход.

— А Одиссей?

— Не знаю. После войны все цари перессорились и передрались при дележе добычи. И уже готовы были схватиться за мечи. Но Одиссей удержал их: «Если будете цапаться, то войско, которое вас ненавидит, потому что вы забрали себе все, а ему не дали ничего, нападет на вас и уничтожит».

Они вложили мечи в ножны, но не помирились. Сердито разошлись в разные стороны. Один прибыл к себе в страну благополучно, другой — после долгих мытарств, третьи погибли в море. Многие воины остались в Трое, сделались министрами и пашами и женились на аристократках. Некоторые основали колонии на побережье, обнесли их стенами и живут и царствуют там. Одиссей отбыл со множеством кораблей, битком на-

битых добычей. Стало известно, что по дороге он встретил армаду Филоктета, вероломно напал на нее, разбил, захватил корабли, людей и ценности. Самого Филоктета, окровавленного, он бросил на Лемносе в пустынной пещере, кишашей змеями. По другой версии, его постигло большое несчастье, он потерял всю армаду и только сам спасся на каком-то острове. Там его сделала своим мужем одна из nereid. Напоила водою забвения, и он не помнит больше ни родины, ни жены, ни сына, ни самого себя. Он не вернется. Но если тебя интересует мое мнение (не прогневайся! Раз уж ты правды требуешь!), его кости давным-давно обглодали акулы!...

— Если ты видел войну такой, то почему же описываешь ее по-другому?

— Этого желают цари и архонты, которые платят. Если бы я стал описывать все так, как было на самом деле, мне пришлось бы закрыть и лавочку, и глаза! Я совершил ошибку, сочинив эпос о Гекторе и послав своего брата (его тоже зовут Гомером) к Архелаю спеть ему самые удачные и сильные места из того, что я сочинил, в надежде на хорошее вознаграждение. А его здорово поколотили и изгнали из пределов Трои — чуть в море не утопили! Ибо теперь и официальное государство, и его история считают Гектора архипредателем...

Думаешь, то, о чем я рассказывал тебе, я сам видел? Это все я тоже сочинил. Я знаю людей. Если потянуть за краешек простыни и увидеть ногу спящей Сюзанны, можно угадать, какова она сама!

Теперь я задумал сочинить эпос об Одиссее. Назову его «Одиссея».

— «Одиссею» напишу я и назову ее «Пенелопея».

— Можно кое-что сказать тебе?

— Говори.

— Неант, сын Питтака, похитил из храма Аполлона на Митилене лиру Орфея. И пошел с нею в горы укрощать диких зверей: волков, шакалов и змей. А змеи, шакалы и волки его съели. Не инструмент создает Искусство, а человек.

Очищение

Как мне надоело ждать Одиссея, так и женихам надоело ждать меня! Меня! Так только говорится! Царство! И они все сильнее принуждают меня принять решение: или выйти замуж, или...

Дернуло же меня попросить Посейдона (тогда!) прибрать одного и прислать мне пятьдесят! Ведь я пошутила. И вот теперь бог Бури прислал мне точно пятьдесят — бурю в мой дом. А недавно явился ко мне и расселся на двух стульях сразу, заняв почетное место на пиршествах, первосвященник. Он говорит, что у нас — у пастыря телесного (у меня!) и у пастыря духовного (у него!) — будет наилучшее потомство.

Телемах растет, я старею скорее, чем хотелось бы. Мне тридцать два; нет, тридцать! Как я ненавижу подсчеты!

Я не могу опереться ни на Телемаха, ни на армию! Ах, если бы пришло какое-нибудь иноземное войско! Только где его искать!

Я могла бы с помощью нескольких верных пособников отравить всех женихов. Но тогда я наверняка лишилась бы трона. Можно спокойно убить пять тысяч человек из народа! Но пятьдесят архонтов? У нас вспыхнула бы народная революция!

Я решила немного оттянуть развязку и послала к ним Гомера, чтобы он спел им и постарался их убедить, что Одиссей вскоре вернется, как вернулись Менелай и Нестор!

Если они так же трусливы, как и глупы, то, может, сами уйдут из дворца. Гомер поведал им, что видел Одиссея своими глазами на острове Тринакрия, еще более молодого и красивого, чем прежде, но только мраморного. И мрамор заговорил с ним и сказал ему: «Бог Гелиос наказал меня за то, что мои товарищи

зарезали его священных быков и съели их. Но через полгода срок наказания истекает. И тогда...» Дальше он не расслышал, так как в тот момент ударила молния...

— Ты видел его своими глазами? — строго спросили его женихи.

— Да! Вот этими глазами!

— Выколите их ему! — приказали они своим молодчикам. И те моментально выполнили приказ — это им раз плюнуть.

Ужас! Несчастный кричал, и как отличался этот голос от голоса, каким он пел!

Женихи же, столпившись вокруг него, хохотали:

— Теперь будешь видеть лучше...

Я очень расстроилась. Не потому, что погиб поэт. Таких найдешь сколько хочешь. А потому, что не удался мой замысел. И мне дали понять, что словами на них не подействуешь и что они решили пойти на крайности — убить даже самого Одиссея, если тот вернется!

Разгневанная и решительная, я спустилась в зал.

— Слушайте меня, вы, лучшие и прославленные повелители Итаки и других островов. Надо кончать. Я возьму в мужья одного из вас, кто бы он ни был. Но остальные пусть покинут мой дом и дадут мне слово, что помогут тому из них, кому выпадет удача, и мне навести в государстве порядок. Нам надо всем вместе противостоять нашему общему врагу — народу. Выбирать я не стану. Вы сами решите, кто лучший из вас.

— Нет, ты сама выберешь, — ответил мне Эвримах.

— Не могу, пока вы находитесь у меня в доме. Если я буду выбирать по жребию, вы опять передеретесь. Отправляйтесь сначала в свои владения, а я через пару дней пошлю за тем, кого сочту достойным супругом для себя!

— Шутишь? Выгонишь нас вон, а потом запрешь дверь? Не пойдет.

— Тогда состязайтесь между собою. Устройте гонки на колесницах, и, кто придет первым, за того я и выйду.

— Я не могу состязаться, — пробормотал первосвященник. — Я слишком толст.

— Хочешь выгнать нас другим способом? Ведь не можем

же мы состязаться здесь, во дворце! Для этого нам нужно выйти в поле. Не пойдет.

— Тогда я вызываю вас драться со мною на мечах, как мужчина...

— Что ты сказала? Драться с тобою? С женщиной?

— Я сильнее вас. Кое-кто может это подтвердить! — При этих словах Антиной покраснел.

— Первый же, кто померяется с тобой силой, победит. Таким образом, вопрос стоит по-прежнему: ты сама должна выбрать...

— Я не умею обращаться с оружием, — снова пробормотал первосвященник. — Я человек божий!

А Эвримах:

— Пока мы говорим с тобой по-хорошему. Нам все равно, кто станет твоим мужем, потому что мы не собираемся отсюда уходить. Мы договорились не ссориться из-за женщины. Один из нас будет твоим мужем, а все мы — царями. Вместо того чтобы правил один, будут править пятьдесят. Мы поделим и власть и острова. Решай!

Это было как раз то, чего я боялась. И тогда я обратилась к ним с последней просьбой, пообещав, что после этого будет исполнено и их желание. Я попросила трехмесячный срок, чтобы подготовиться. И выбрать того, кого укажет мне покровало Левкофеи.

— Пожалуйста!

Я поднялась наверх и в отчаянии бросилась на кровать. Кого выбрать? Никого из них близко я не знаю. И все они мне противны. Был бы хоть один из них более или менее привлекательным!

Мужчин узнают в любви, в выпивке и в картежной игре. В карты я не играю; вина не пью; остается только любовь. Я выйду за того, кто меня по-настоящему полюбит. А потом, когда подрастет Телемах, мы вдвоем, может быть, сумеем справиться и с остальными.

Я позвала Мирто:

— Поди сюда, дитя мое. Я тебе доверяю. К тому же ты са-

мая красивая девушка во всем государстве — после меня. До сего времени я оказывала тебе множество милостей. Из рабыни превратила в свою наперсницу и подругу. И много раз делала вид, будто ничего за тобой не замечаю. Теперь же я требую от тебя жертвы. Ты должна давать, а я — брать.

— Все, что пожелаешь. Я готова на смерть ради тебя, но я не понимаю, в чем дело.

— Слушай, дитя мое. Прежде я не разрешала тебе спускаться в трапезную, где кушают женихи. Но теперь, в интересах династии, ты каждый день будешь спускаться вниз, чтобы прислуживать им. Все они будут приставать к тебе, даже если не будут пьяны. Ты же, не поднимая глаз, потихоньку с оглядкой будешь приглашать каждую ночь одного из них к себе в комнату. Дашь ему ключ, но с условием, чтобы он поднимался по лестнице на цыпочках, не зажигал света и уходил до зари. И не разговаривал. Потому что рядом моя комната.

— С удовольствием.

— Не спеши. Ночью ты будешь спать в моей комнате, а я в твоей. Я хочу узнать их, но так, чтобы они меня не узнали.

— Но...

— Никаких но! А когда через пятьдесят дней кончится твоя жертва — и моя, тогда я разрешу и тебе с ними познакомиться.

— Но...

— Лишаю тебя слова!

Я сама себя ненавидела. При одном воспоминании об этом меня начинает тошнить.

Все эти хлыщи голубой крови с выбритыми и напудренными физиономиями; с крашеными ногтями и губами, часами смотрящиеся в зеркало, прежде чем на них посмотрят другие; утопающие в золоте и драгоценных камнях; потомки богов и героев, без которых земля не могла бы существовать, а солнце — передвигаться по небесам, первые в сражениях и в поэзии; знатоки изящного, страстные мечтатели о прекрасном и светоче И с т и ны, — все они были скотами. В сравнении с ними раб Дедал был человеком с душой.

Принимая меня за рабыню Мирто, они обращались со мною

грубо, говорили мне гадости, ругали, а Эвримах даже ударил меня по щеке. Как я вынесла все это! Ради трона — ради родины. Одних, перепившихся, рвало в постели; другие спрашивали, нет ли у царицы, то есть у меня, любовника — и сколько я ему плачу; третьи интересовались, стою ли я хоть ломаный грош, если меня раздеть и смыть с меня краску, потому что я сверху донизу искусственная (грудь — подушечки; бедра — турнюр!) Некоторые спрашивали, что я делаю, чтобы не рожать, — или, может быть, я не люблю мужчин? Один предлагал мне деньги и свободу, если я дам царице выпить волшебное снадобье, чтобы она выбрала его; другой признавался, что ненавидит меня, ему нужен только престол; третий пошел еще дальше и говорил, что когда женится на мне, то запрет меня в гареме, Телемаха сошлет на пустынный остров, а царство оставит для себя и своей родни.

Что же касается любовного искусства — грубые, неотесанные, жестокие. Лишь один из них оказался молодцом. Старый Полиб, отец Эвримаха. Любовь — родная сестра Мудрости: ей нужны седые волосы... Этот шестидесятилетний старик — весь улыбка, уверенность и остроумие. Воспитанник Муз и Харит! Только он в потемках, вслепую понял и оценил умение моего тела, хрипотцу моего голоса, блеск моего ума. И только он, уходя, спросил, когда ему снова прийти, и оставил на подушке туго набитый кошелек... В его объятиях я забыла, что приношу жертву. С ним я испытала настоящее наслаждение! Согрешила!

Вот за кого я хотела бы выйти!..

А первосвященник смердел, как козленок. И бляел, как козленок. А когда уходил, я заметила, что он стащил с комода и спрятал под рясу мой будильник!

Была уже весна, когда окончилась моя великая жертва. Вышла я из нее еще более непорочной, чем прежде. В пятьдесят раз девственнее.

Поскольку приближалось время выходить замуж, надо было позаботиться о том, чтобы грядущие века не забывали о чуде моего очищения. Отныне и впредь во всем царстве будет отмечаться «Очищение Пенелопы». Национальный праздник. Все-

мирный праздник. В конце Элафеболиона *. В тот самый день, когда празднуется непорочность Артемиды! Свет — Солнце моей добродетели — будет разрушать стены Сферы, чтобы поместиться в ней, и затмит свет Артемиды — Луну.

Я позвала Мирто.

— Теперь, дитя мое, можешь поразвлечься и ты.

— Но...

— Никаких но! Не притворяйся скромницей!

— Но когда я хотела тебе об этом сказать, ты мне не позволила. С большинством из них я еще раньше познакомилась...

Что-то шевелится во мне. Я позвала Галитерса и спросила его. Он очень обрадовался.

— Дитя, которое ты родишь, станет богом лесов и стад. У него будут козлиные ноги, хвост и рога. Его будут звать Паном — потому что его отец — Все!

Матерь божия! Непорочнее самой Стыдливости!

* Элафеболион — девятый месяц аттического календаря, соответствует второй половине марта и первой половине апреля современного календаря.

Здравый смысл

Дойдя до середины жертвы, я поняла, что ничего не достигла. Но надо было осушить горькую чашу до последней капли. Я все еще надеюсь на что-то. Не знаю!.. Иногда... Через три недели я послала за Долием. Мы с ним обо всем договорились, а потом позвали Телемаха.

Ему теперь семнадцать лет. Ростом и косым взглядом он походит на отца. Молчалив и как будто немного мечтателен — возраст. И подозрителен. Любит ли он меня? По-моему, нет. Возможно, он считает меня виновной в том, что пятьдесят бездельников проматывают состояние его отца.

— Ты не должен забывать, — сказала я ему строго, — единственным сыном какого отца и плотью и кровью какой матери ты являешься. И что нигде нет более великого и прекрасного царства, чем Итака. Ты рискуешь все это потерять. Пойми, ты уже вырос. У тебя уж и усики пробились, и голос погрубел. Пора стать серьезным. Брось ловить рыбу и охотиться. Подвяжи отцовский меч, и давай вместе спасать то, что еще можно спасти. И поскорее. В твоем возрасте мальчишки из народа сами зарабатывают на хлеб и ведут хозяйство.

Архонты хотят отнять у тебя все. Одни — мать, а все вместе — царство.

Нам нужно опередить их, иного выхода у нас нет. Прежде чем они отнимут у нас царство, мы продадим его!

— Продать родину?

Мы с Долием посмотрели ему в глаза:

— Это еще что за разговоры? Где это ты набрался крамолы? У царей нет родины. Она есть у народов. Царство, не забывай

это, принадлежит твоему отцу. И ты можешь поступать с ним, как тебе заблагорассудится.

Ты уедешь сегодня же вечером. Мы снарядили для тебя самый быстроходный корабль острова, корабль Ноемона, сына Фрона. Дадим тебе с десятков надежных парней, и ты тайком выедешь ночью. Через Злое море. Афина в образе Ментора сядет у руля. Ты притворишься, будто не узнаешь ее.

Сначала ты поедешь в Ньюкастро, потом в Спарту; затем в Микены и, наконец, на Корфу. Ты познакомишься с самыми могущественными царями нашего времени.

В Ньюкастро тебя омоет младшая дочь Нестора — Поликаста. В Спарте тебе накроет на стол единственная дочь Елены — Гермiona, красавица и скандалистка, вся в мать. В Микенах тебя напоит волшебным зельем, чтобы навсегда удержат около себя, достойная дочь своей матери Электра. А на Корфу выстирает в море твои одежды и будет потихоньку плакать о тебе единственная, возлюбленная дочь Алкиноя — Навсикая.

Но не теряй головы. Не женись ни на одной из них, кроме той, чей отец согласится купить наше царство, нужные полномочия для тебя я приготовила. Запроси столько золота, сколько весит твое тело. Я не говорю «душа»: ее нельзя взвесить! Нам должно быть выделено годовое содержание в десять тысяч дукатов.

Когда женихи соберутся захватить царство, то обнаружат, что его уже получил другой. И острова, и людей, и их самих!

Прошло несколько недель, и женихи пронюхали, что наследника нет. Сначала они подумали, что он в дальних имениях, у Эвмея, чтобы не видеть позора матери. Но потом проведали тайну. И озверели. Быстро снарядили три галеры и вышли в море, чтобы устроить ему засаду со стороны Корфу. И убить, когда он будет возвращаться.

Но Паллада разгадала их намерение. Взяла и перевернула остров северной частью на юг, как поворачивают ключ в замочной скважине. И в то время как Телемах подплывал с севера, они поджидали его со стороны Джанте.

— Никто не хочет покупать наше царство. Говорят, при той

смуте, которая в нем царит, придется воевать, чтобы взять его. А их народы утомлены. Один Алкиной почти согласился. Только сначала я должен жениться на Навсикае...

Ждать больше нельзя. В моем распоряжении всего пять дней. Нет! Я не стану рабыней пятидесяти тиранов. Я предпочитаю собрать манатки и бежать. В Спарту. Если, конечно, боги не совершат чуда и не вернут мне Одиссея. Пусть даже ненастоящего!

Иначе завтра же я напишу завещание и подарю царство — отдам даром — Алкиною. Раз я не могу взять за него деньги, я его промотаю и буду отомщена. Пусть они дерутся с Алкином, которому достанется царство.

Лже-Одиссей

Свершилось чудо! Явился! Благословен Приходящий! Одиссей. Конечно, не мраморный! Не настоящий! Мнимый. Единственный, кто мог прийти. Легче, конечно, явиться мнимому живому, чем настоящему покойнику.

А насколько он огромное настоящего. Входит в комнату, и меркнет свет! От его голоса со стен сыплется штукатурка! Не говоря уж о том, что он моложе! Руки и ноги у него вроде бы коротковаты для туловища. А затылка, кажется, и вовсе нет. К тому же он издает странный, неприятный запах. Так, наверное, пахнут упыри и драконы в сказках. Но разве я когда-нибудь нюхала дракона или упыря? Когда он рассказал мне свою историю, я поняла. Это был запах свиней. Но когда привыкаешь, он не причиняет беспокойства...

Он сказал, что пришел спасти меня. Откуда и каким образом? Без корабля, без товарищей. Как с неба свалился.

Его заметили рано утром, когда он шагал по направлению к городу, как гнев божий. В руке он держал дубину, такую тяжелую, что сам Геракл не смог бы ее поднять!

Несколько моряков, бывших в порту, кинулись смотреть на титана. Но тот резко остановился и так свирепо глянул на них, что бедняги пустились наутек. Одни спрятались в скалах, другие укрылись в храме Посейдона, моля бога о милосердии!

Не оборачиваясь и никого не спрашивая (как будто это было нужно! Мой дворец можно найти и без проводника — и так виден!), он прошел прямо ко мне!

Стражи наружных ворот, увидев его, юркнули внутрь, заперлись на засов и крикнули через щель:

— Кто идет?

— Пошли к дьяволу!

Он толкнул ворота плечом и сорвал их с петель. Подошел ко вторым воротам. Никого! Миновал третьи и вошел во двор, выложенный плитами. Оттуда по лестнице поднялся на женскую половину.

Женихов и всю челядь как ветром сдуло. Заперлись в своих комнатах и каморках...

Все-таки откуда он мог знать все закоулки? Правда, дворцы в Элладе строятся по одному плану. Но не всем же известны подробности. Для этого нужно быть или царем, или придворным какого-нибудь царя.

Я услышала, как трещат ступени. И пол. И подумала, что наверх поднимают статую покойного. Я заказала ее полгода тому назад лучшему ваятелю на острове, чтобы изобразил его обнаженным, с расставленными ногами (левая вперед, правая назад), с кулаками, упертыми в бока, с улыбкой на устах и без усов — похожим на Аполлона!

Я послала Мирто остановить носильщиков. Ведь я заказывала статую не для постели! Собиралась водрузить ее высоко над молотом, чтобы Он день и ночь смотрел на море, чтобы видел свой дух, витающий во вселенной, если Он погиб!

Она прибежала бледная и упала к моим ногам.

— Что случилось? Да говори же!

— Го... го... го... госпожа моя! Запри скорее дверь... давай подопрем ее столами, сундуками и кроватями. Тритон ли это со своими дельфинами? Протей ли с тюленями? Или Энкелад бушует? Какой-то ужасный демон поднимается по лестнице. Конец света.

И она истерически разрыдалась.

Зная, что она трусиха, я вышла посмотреть сама. Как раз в этот момент показалась его голова, словно спина морской черепахи над водой.

Силы изменили мне. Но я не забыла, что я — царица и богиня. Владычица над миром и над собой.

— Кто ты? — крикнула я ему.

Раздался голос, похожий на рокотание из кратера Этны. Но не голоса его я испугалась, а того, что он произнес:

— Одиссей! Твой муж!

И сейчас же посадил меня, как куклу, к себе на руку и внес в комнату. Лица его я не успела рассмотреть. Он мягко усадил меня на кровать и промолвил нежно, словно горlinkа проворковала:

— Ты такая, как я и представлял себе. И даже лучше. Красивее, и моложе, и божественнее самой Кирки... Моя Пипица!

И потрепал меня по подбородку.

— Кто она, эта... как ты ее назвал?

— Скоро все узнаешь.

— А сам ты кто?

— Мессия, которого ты ожидала столько лет. Умнейший и могущественнейший из мужей во всем мире. У меня нет имени. Зови меня Одиссеем. И конечно же, я буду твоим мужем! Я пришел спасти и тебя, и архонтов. Я вновь соединю вас. И ты полюбишь меня, когда узнаешь, ведь я полюбил тебя прежде, чем узнать.

И лицо его расплылось, чтобы вместить довольную улыбку, разлившуюся по щекам и усам. Он полуоткрыл рот, и стали видны два зуба цвета слоновой кости, больше других по величине. Они были ему к лицу!

Не знаю почему, но я почувствовала себя рядом с ним в безопасности.

— Покойного Одиссея, — начал он свой рассказ, — я знал очень хорошо. Мы провели несколько дней вместе с его товарищами, запертые в одном свинарнике...

— Ты в своем уме?

— Мы ели из одного корыта желуды, кизил, дикие каштаны, вареную тыкву с изюмом, чтобы жиреть. Мы купались в одной грязи.

— Что за вздор ты мелешь?

— Не спеши, как вдова в постели. Сейчас поймешь. Все мы были свиньями... Как? Хочешь плюнуть в меня? Смотри! Я считал тебя умной женщиной и искусенной в жизни. Видишь? Двумя своими пальцами я перережу тебя пополам, словно осу ножницами.

Я взяла себя в руки. Сначала мне в самом деле захотелось

плюнуть в него. Теперь же меня охватило сильное желание его поцеловать.

— Одиссей потерял корабли и товарищей на острове лестригонов — есть такие людоеды с отравленными душами. В то время как его корабли стояли на якоре за утесами, неожиданно над ними появились лестригоны с огромными камнями, которые простой смертный не смог бы поднять, и, обрушив, как град, эти глыбы на корабли и на людей, превратили все в кашу. Только Одиссей и с ним еще около сорока человек успели обрубить канаты у своего корабля и, гребя изо всех сил, уйти в море. Но без руля.

Одиссей был убит горем. Нот в ярости швырял их, неуправляемых, куда ему вздумается. Через несколько дней они достигли острова Эи, где царствовала прекраснейшая богиня-волшебница, дочь Гелиоса и океаниды Персы, сестра Ээта и тетка Медеи — все они волшебники и убийцы собственных детей!

На отвесной скале, окруженной девственными соснами и безоблачным небом (внизу, как влюбленное сердце, трепетало море), сверкал мраморный дворец царицы с красно-голубой росписью на стенах, с медными вазами и лазурным карнизом; с бронзовым порогом, и серебряной притолокой, и с золотыми ручками на каждой двери. Он сверкал в веселых лучах солнца, невесомый, будто не стоял на земле, а, подобно хрустальной люстре, свисал с небосвода.

По огромному саду, окруженному высокой железной оградой, расхаживали фазаны, павлины, львы, волки и медведи, смирные, как люди. Они и были людьми! Единственным зверем там была Она, прекраснейшая богиня, по крайней мере, самая экзотическая. Волосы у нее не были ни белокурыми, как у Афродиты, ни черными, как у Афины, ни каштановыми, как у Артемиды. Они были всех цветов. А глаза — зеленые, как у кошки. Ее глаза околдовывали сильнее, чем ее травы.

Сидя на веранде на скамье из слоновой кости, она пряла золотым веретеном и пела так страстно, что Одиссей, прежде чем услышать ее голос ушами, услышал его сердцем. И испугался.

Умудренный опытом и страданиями, он не решился пойти сам просить о помощи. И послал своего кормчего Эвриала, по-

дозрительного и недоверчивого фессалийца, а с ним еще двадцать человек, узнать, кто там живет: люди или боги? Добрые? Злые?

Волшебница ждала их. Она отложила веретено и перестала петь. И наступила такая тишина, что слышно было, как струится сок по древесным жилам!

Красавица спустилась во двор и сама открыла калитку. Пригласила их войти и приветствовала, называя каждого по имени! Она знала их всех. На то она и была волшебницей! Посетовала только, почему не пришел их Капитан, объехавший весь свет, великий Одиссей, и еще, почему это Эвриал прячется за дубом и подсматривает оттуда. Ей очень хотелось бы «поухаживать» за ними и поцеловать руки богоравного царя!

Тотчас же она повела их в баню (отмыться, значит, от соли!). И с помощью самых красивых своих служанок — каждая из них дочь реки, родника или дерева — омыла их, умастила, одела в шелковые одежды, то есть сделала людьми, чтобы вскорости превратить в свиней!

— Неужели?

— Потом она усадила их за стол орехового дерева, продолжая улыбаться и говорить льстивые слова, растроганная тем, что принимала друзей Одиссея. И то и дело извинялась, что не успела приготовить лучший ужин; да если бы у нее и было время, она не смогла бы. Она совсем потеряла голову! Так опьянила ее честь, которую оказывали ей первые эллинские гости. Даже больше, чем если бы вместо них явились боги!

Подле каждого из них она усадила одну из своих nereид. Чтобы они угощали гостей. А у тех после купанья появился такой аппетит, что они ели как свиньи (уже несколько месяцев они не видели горячей пищи); и пили, пили, не считая кубков. В конце концов они так разгорячились, что сбросили с себя одежду и обувь.

— Чувствуйте себя свободно, как дома с женами! — кричала им любезная богиня-волшебница.

И они, умники, «поняли» намек! Вскочили, чтобы петь и танцевать с девушками! И вдруг услышали, что из их глоток вместо человеческой речи раздается хрюканье; а протянув руки,

чтобы обнять своих подруг, увидели, что у них не руки, а ноги, а вместо пальцев — копыта. Когда, недоумевая, они стали разглядывать друг друга, то увидели вместо лиц свиные рыла, щетину по всему телу (большая щетка на хребтине!), кабаньи клыки во рту и хвостик крючком сзади!

Они уже стали свиньями! И упали на четвереньки — не могли больше держаться прямо.

Сладко улыбаясь, волшебница подлила им в вино колдовского зелья. Встав на четвереньки, они принялись носиться по трапезной как бешеные; бешеные от радости! Они опрокидывали стулья, тарелки, стаканы, цветочные вазы и кусали друг друга — от радости. Волшебница смотрела на них и громко смеялась — будто змея шипела!

Слуги, знавшие свое дело, дубинками и пинками выгнали их во двор. А они, как только очутились снаружи, бросились к калитке, чтобы убежать в горы и насладиться свободой и своей новой душой. Однако слуги, опять-таки дубинками и пинками, согнали их всех вместе и заперли в самом большом свинарнике.

— Благодарю богов за то, что мой Одиссей уцелел.

— Это был мой свинарник. Самый благоустроенный и вместительный в имении. Пять лет я царствовал в нем, внук Эриманфского предка и брат твоего кабана Одиссея. Маленьким сосунком привез меня на остров и подарил волшебнице Геракл, когда, направляясь за яблоками Гесперид, ненароком зацепился за ее яблоки!

Держа на руках, она кормила меня из соски. И назвала меня Гераклом. Ласкательно же она называла меня Буби. А когда я вырос и превратился в зверя, ей нравилось прогуливаться по имению, сидя у меня на загривке, подобно Кибеле на спине льва.

Она выстроила для меня свинарник, похожий на дворец. У меня было все. Но я очень тосковал в одиночестве. Даже общество свиней, которых время от времени приводили ко мне на случку, было непродолжительным. Все остальное время я спал; и чем больше спал, тем больше жирел; а чем больше жирел, тем меньше двигался и докатился до того, что мышцы стали

устраивать гнезда у меня в шкуре! Поэтому, когда ко мне привели двадцать свинолюдей Одиссея, я встретил их с большой радостью, и мы стали лучшими друзьями.

Теперь, когда у меня появилась компания, я оживился. Я говорил им на нашем языке (хрю, хрю, хрю, и, и, и, ... ф, ф, ф): «Как добра наша госпожа». И они отвечали мне: «Но как ей это выразить...»

Ели мы мирно, без драки. Еды было в избытке, и мы все вместе засовывали рыла в корыто. Вместе с нами ели куры, а также мыши и воробьи. Пусть их...

Поев, мы рядком укладывались спать и мечтать... Сколько времени? Величайшим удовольствием для нас было, когда под вечер слуги приходили нас будить. Они вставляли шланг в водопроводный кран и с помощью насоса обливали нас холодной водой... и забавлялись, глядя, как мы кувыркаемся, играем в догонялки и в лошадки, освеженные, чистые, в хорошем настроении... А потом снова еда, снова сон и сновидения. Роскошная жизнь!

Кирка не пропускала ни одного дня, чтобы не прийти и не полюбоваться нами. Она с нежностью глядела на моих новых товарищей, ласково говорила с ними, улыбалась им. Что это было? Любовь? Или ненависть? Разве можно угадать значение улыбки, слов и взглядов женщины? Его понимают только после случившегося несчастья!

Я стал ревновать! Потому что теперь она забыла обо мне. И начал опасаться, как бы она не стала ездить на прогулку на загривке у кого-нибудь другого!

— Кончай! Я хочу знать об Одиссее!

— Но вот в один прекрасный день явился Одиссеей, страшный и грозный. Равный Зевсу умом, он придумал, как вызвать своих молодцов!

Он пошел в лес, чтобы встретиться там с Гермесом, своим прадедом. Трижды позвал он его по имени. И бог услышал его и спустился с Олимпа на шести крыльях (два на ногах, два на шапке и два на жезле). Он сорвал чудодейственную траву моли, у которой корень черный, а цветок белый, как молоко, и сказал:

— Возьми его, ступай к волшебнице и ничего не бойся. Ешь и пей все, что она тебе даст. Но потихоньку положи в тарелки и стаканы этой травы. А когда она соберется ударить тебя своей волшебной палочкой, чтобы превратить в свинью, хватай ее за горло, бросай на пол и наступи коленом на живот.

Так все и случилось.

— Живо отпусти моих товарищей! — крикнул Одиссей, сжимая ей горло и наступая коленом на живот.

— Я приведу их тебе, но не покидай меня! Столько лет я ждала тебя!

— Сперва мои товарищи!

Она встала с пола, трепеща, как листок тополя, но не от страха! От любви. Опустила платье и, взяв Одиссея под руку, повела к нам в свинарник.

С жалостью смотрел на нас сын Лаэрта. Но никто не обращал на него внимания. Я его не знал, другие не помнили.

Хозяйке же своей мы очень обрадовались и подбежали к ее ногам с полузакрытыми глазками, ожидая ласк. И тогда она обрызгала все стадо какой-то волшебной водой. Однако чудо, которого ждал Одиссей, было ничто в сравнении с тем, чего не ждали ни он, ни Кирка.

Вместе с другими был обрызган и я. И тоже превратился в человека. Двадцать их и один я! Но никто этого не заметил. Все сразу утратили кабаньи клыки, щетину, хвост, копыта и четыре ноги. И встали на две ноги, прямые и стройные!

Того, что произошло потом, не ожидал никто, ни Кирка, ни Одиссей, ни тем более я.

Одиссей думал, что сначала они, плача от радости, бросятся в объятия друг другу, а потом все вместе падут к ногам своего избавителя и станут целовать ему руки за то, что он возвратил им душу и разум, родину, родителей, детей и богов!

Ничуть не бывало!

Все они стояли в смятении, протирая глаза, словно вышли из могилы и их ослепил внезапный свет. А их языки тщетно ворочались между зубами и небом, не находя слов.

Придя в себя, они разразились мрачными причитаниями:

— Какое зло причинил ты нам, приносящий несчастье! Ку-

да бы ты ни шел и где бы ты ни находился, тебя преследуют боги, и ты навлекаешь беду на себя самого и смерть на других! Всего один лишь раз преследование богов обернулось для нас добром. Зачем же ты снова превратил нас в людей? Мы просили тебя об этом? Нас ты спросил?

Для чего нам образ и подобие божие в лице, если и лицо, и душа у нас отмечены огненным клеймом рабства?

Мы забыли обо всем. Для нас не было ни прошлого, ни будущего. Только сегодня. Мы не знали, что существует смерть. И если бы вдруг нас зарезал хозяин или задрал волк, это случилось бы один раз, и мы не осознали бы, что это конец. А теперь мы будем умирать каждый день понемногу — и мы это понимаем!

Ты выщипал у нас свиную щетину и соскоблил с кожи грязь, но наполнил наши души еще худшей грязью и свиной щетиной: чужой ложью и обманом, нашим горем и мучениями!

Преврати нас снова в свиней! И отпусти в горы и лесные чащи, чтобы мы могли бегать стадом с горы на гору, переплывать разлившиеся реки весной, питаться кореньями, камышом и диким сельдереем, выкапывать носами луковицы, корнеплоды и кротов. Без оков, без господ и, стало быть, без богов! И без идей, которые выгодны людоедам. А волки? Еще неизвестно, поймают ли они нас. Теперь же мы во власти двуногих волков.

Плача, они обнимали колени Одиссея и просили вернуть им толстую кожу, четыре ноги, хвост, кабаньи клыки — и бесчувственность! Я слышал все это, но ничего не понимал. Новоявленный человек, как видишь! Я ощупывал свое тело спереди и сзади, и оно казалось мне удивительным и неестественным. Сжав обеими ладонями голову, я тряс ее, как дети трясут копилку около уха, чтобы угадать, сколько в ней монет. Я встряхивал ее, чтобы заставить мозг работать.

После я уразумел, что нет ничего легче, чем правильно думать и правильно говорить. Ведь все уже за тебя придумано: боги, господа, истины, законы (писанные и неписанные), мифы, наручники или кнут в руках: ты либо раб, либо господин! Те, как видно, были прирожденными рабами. Я же был при-

рожденным господином. Я, царствовавший над свиньями, буду царствовать и над людьми. Я, родившийся четвероногим и ползавший на брюхе, всегда буду стоять прямо; и все будут ползать передо мною на брюхе и ходить на четвереньках. В свинарнике я был самцом, и кормила меня волшебница; среди людей я снова буду самцом, а кормить меня будут сами люди. В свинарнике передо мною трепетали и желали меня свиньи; люди же будут трепетать передо мною и не желать меня!

Кирка сосчитала нас и обнаружила, что один лишний. Одиссей отделил своих, и остался я, самый большой из всех.

— Кто ты такой? — спросила меня волшебница.

— Буби.

— Хорошо!

Она проводила Одиссея и его товарищей. Погода улучшилась, и они поспешили уехать. Кирка дала ему в изобилии продовольствия и руль. А потом слегла. Занемогла, подобно Федре. От любви. Ко мне.

Мне отвели лучшую комнату во дворце. Ее nereиды старались из всех сил, чтобы у меня ни в чем не было недостатка. И подобно тому как товарищи Одиссея, став свиньями, забыли свою прежнюю жизнь, человеческую, так и я, став человеком, забыл свою прежнюю жизнь, свинскую.

На третий день она позвала меня к себе в комнату. Чтобы я ее вылечил... Отдала мне ключи от своих сокровищ и посвятила в тайны своего искусства. Обтерла мне ноги своими волосами и рассыпала по полу самые дорогие цветы, чтобы я ступал по ним. Она предпочитала быть моей рабыней, чем царицей, очарованной мною, чем чаровницей!

— Теперь, — говорила она мне, — я поняла свое бессмертие. Если ты откажешься от меня, я уже не смогу причинить тебе зла — ты постиг мое искусство; я не смогу даже умереть, ибо я бессмертна. Но я поднимусь на утес, брошусь в море и стану горгоной. Я буду искать тебя по всему свету. Буду останавливать корабли и спрашивать: «Любит ли меня мой Буби?» И если они будут отвечать мне: «Он тебя любит!», я буду отпускать их; если же они будут говорить мне: «Он не любит тебя», я буду их топить.

Я счастливо прожил с нею несколько лет. Царь, Волшебник и Бог. Могучий, прекрасный, мудрый и бессовестный.

Но постепенно остров стал мне тесен. Он не вмещал меня. Мне захотелось иметь крылья. Занять собою все пространство, все времена; от земли до звезд и от Сегодня до Всегда. Я буду менять обличье, язык; менять место и время. Но навсегда останусь Свиньей.

Я стану родоначальником нового типа сверхчеловеков-авантюристов: диктаторов. Я приколочу гвоздями землю, чтобы она не вертелась; только так она сможет процветать. Никто не будет ни думать, ни говорить, ни желать. Думать, говорить и желать буду только Я...

Я узнал, что ты поручила продать царство; и поспешил вернуть его тебе — и его, и еще столько же! Я превращу его в рай. С помощью страха и убийств. А потом пойдём дальше.

А теперь за работу! Завтра же я освобожу тебя от женихов. Я не стану убивать их. Они нужны мне, и я нужен им. Они станут нашими лучшими друзьями. Я только выгоню их. Они сами попросят у меня позволения уйти!

На площади собралось множество людей. Всем хотелось знать, что происходит. И что за фрукт этот дикарь!

Одиссей (так я буду называть его отныне) послал к женихам Долия. «Наша высокочтимая госпожа повелевает вам завтра в десять прибыть в большой зал в парадной форме и при мечах. Она окажет вам честь беседою с вами».

Затем он велел Долию влезть на одну из башен Больших Ворот и крикнуть народу: «Ступайте по домам, а завтра после полудня соберитесь снова. Узнаете важные новости».

С раннего утра архонты ожидали в зале, недоуменно переглядываясь. Во дворе выстроилась охрана.

В десять часов и одну минуту сошли вниз и мы со всей помпой, какая подобает царям. Когда мы вошли (Одиссей, хорошо причесанный, побритый, надушенный, держал в руке дубину), архонты приветствовали царицу-невесту. Но глазами ощупывали «чужеземца».

Эвримах, смелый на язык, сердито крикнул:

— Это еще кто? Зачем ты привела его?

И Одиссей ответил своим громовым голосом:

— Я ваш царь Одиссей. И привела меня не царица, а боги. Подняв кулак, огромный и тяжелый, как чугунное ядро, он продолжал:

— Отныне будет править вот этот кулак! Все, что вы успели съесть и выпить в моем доме, — на здоровье! А теперь сматывайтесь отсюда. По-хорошему. Я желаю вам добра. Расстанемся друзьями. Но если...

— Откуда ты нас выгоняешь? Ведь это наш дом. Теперь правим мы, цари. Власть одного превратилась во власть пятидесяти.

Да и кто поверит, что ты Одиссей! Ты совсем не похож на него! Вот, погляди на монету. Одно дело он, другое — ты.

Одиссей громко рассмеялся и стал похож на тигра, сжимающего челюстями морду быка.

— Двенадцать лет прошло! Я объехал всю землю и все моря; спускался в Аид и поднимался на Олимп. И вы хотите, чтобы я не изменился? Вы же знаете, что два года я был мраморным. А когда боги пожелали воскресить меня и мрамор начал размягчаться, то мои черты, естественно, немного изменились.

А теперь — нравлюсь я тебе или не нравлюсь, признаешь ты меня или не признаешь — повелеваю я. Поворачивай первый!

Эвримах, стоявший с правой стороны стола, вынул меч... Одиссей спокойно протянул руку и схватил его за шиворот. Поднял и смел им со стола, как тряпкой, цветочные вазы, кубки и тарелки, и они разбились вдребезги. Поднялся сильный шум. Все архонты сбились в кучу у противоположного конца стола и обнажили мечи.

А Одиссей, высоко подняв Эвримаха, бросил его в них, как мяч, и тот чуть было не напоролся на острия их мечей.

— Уйдете вы или нет?

И стал размахивать над головой огромной дубиной, как дешишки размахивают привязанным ниткой за лапку майским жуком, чтобы он жужжал.

— Да я вас всех одним махом уложу.

Тогда они, один за другим вкладывая клинки в ножны, стали собираться уходить.

Но Одиссей сказал им:

— Не так. Дайте руку, дружба и любовь!

— Увести нам телохранителей?

— Пусть остаются здесь. А вам я дам для охраны своих. Можете приказывать им вязать, бить, вешать. От моего имени. Каждый из вас снова станет хозяином, судьей и палачом. Но благодаря моей силе. А эта сила, будучи сосредоточенной в руках одного, будет действовать быстро в случае нового восстания. Но нового восстания не будет. Страх перед царем парализует всех...

Когда Священный Дворец опустел, Одиссей растворил Большие Ворота и, стоя на самой блестящей колеснице покойного, в окружении огромного войска выехал на площадь.

— Царь Итаки, Джанте, Кефаллинии, Лефкаса, Петаласа и Румелии, Одиссей Первый, Завоеватель, говорит с вами.

Узнаете меня? Боги вернули меня Моему народу. Отныне это солнце будет освещать прекраснейший из миров и счастливейших из смертных. В моем государстве оно никогда не будет заходить. Потому что я осуществляю мечту стольких поколений, мечту о Великой Итаке.

Вы должны трудиться молча, не рассуждая, и спать беззаботно, ничего не боясь. Я буду решать и бодрствовать за вас. Вы должны любить своих господ, которых вам ниспослали боги, как они почитают богов, давших им Меня господином.

Чем больше вы будете работать, тем свободнее будете себя чувствовать. Родина же станет могущественнее. И это солнце не устанет писать на небесах своим огненным пером о чуде третьей итакийской цивилизации.

А теперь ступайте по домам, как послушные детишки. И пойте.

Все расходились опустив головы, с невыносимой печалью в душе. Отныне солнце будет сиять не для них!

Перепрыгивая через три ступеньки, он поднялся по лестнице на женскую половину и вошел ко мне в комнату. Сдвинув

брови к переносице, наклонился ко мне и спросил:

— Где ты прячешь деньги?

— Что? — Я вскочила. — Как ты сказал?

— Деньги.

— Я дала тебе царство, имя Одиссея и самое себя. Деньги дашь мне ты!

— Я это сделаю. Опустошу казну один раз и наполню девять раз.

— За десять лет?

— За несколько месяцев. Лопатой. Я раздета всех... Сейчас мне нужны деньги, чтобы создать большую армию и полицию, явную и тайную. Я не буду ждать, пока разразится несчастье, чтобы противостоять ему. Я нанесу удар прежде, чем оно произойдет. Деревни и города я заполню ушами. Мне надо знать, что делается в каждой башке.

Я буду брать детей из колыбелей и учить их предавать своих родителей и убивать братьев. Я заполню пустынные острова и тюрьмы свободными людьми, чтобы на воле остались лишь рабы. Я мог бы превратить их в свиней. Но мне нужны не свиные отбивные; мне нужны труд и деньги.

Я буду править с такой жестокостью, что если бы в один прекрасный день боги пожелали вознести меня на Олимп, никто другой не смог бы править миром, не будучи в десять раз более жестоким.

— Ты мудр. Мудрее даже старого Нестора.

— Как ты думаешь, сколько мне лет?

— Сорок — сорок два.

— Только двенадцатый год!

— Что?

— Шесть лет человек и пять — свинья. Но пять лет свиных — это тридцать человеческих!

— Мой Буби!

— Разумеется, в Истории будет записано, что я — бог и потомок богов!

Сказка

Четыре года. Самых лучших. Самых благополучных в мире. С той стороны — пот, с этой — разум; с той — немое молчание, с этой — пляска; с той — богиня Гестия, с этой — богиня Ника.

Третья итакийская цивилизация.

Как в сказке.

И еще четыре года. Самых худших. Самых тревожных в мире. (Зачем весь мир, если нет царства?) Небеса и солнце низверглись в бездонную пропасть, потому что обрушилась колонна, поддерживавшая их: наш трон.

Как в сказке...

Уже четыре года скитаемся мы по чужим краям. А кто виноват? Народ! Кто же еще?

Я сказала Одиссею (лже-Одиссею):

— Ты ничего не добьешься, проявляя к ним милосердие и уничтожая поодиночке или пятерками. Их вырастает в десять раз больше и опаснее. Отруби им всем сразу большие пальцы на ногах и на руках. Тогда они не смогут убежать в горы, если мы станем их преследовать, и схватить меч или лук, если задумают сами нас преследовать.

— А как же они будут держать мотыгу, молот и серп?

— Пусть держат обеими руками, чтобы больше уставали и у них не оставалось ни сил, ни времени думать.

Он добродушно смеялся.

Правда, как хорошо все мы прожили первые четыре года. Одиссей правил Кораблем, я — Хозяйством. И царство стало

похожим на куклу вроде тех, что закрывают глаза, если их положить ничком или на спину.

Ему нравилось смотреть, как я, сидя в нижнем зале, вяжу одеяла, фуфайки или еще что-нибудь. Ему нравилось когда я сама запрягала его мулов с золочеными крупами быстроногих, как ветер; и когда он усаживался на облучок, подавала ему кнут, поцеловав его сначала, — символ власти и человечности.

Святое эллинское семейство!

На всех торжествах или праздниках он усаживал меня рядом с собой на высокое кресло, чтобы я видела и меня видели. То и дело посреди площади (в назидание народу!) он вешал неисправимых или отрубал им голову. Ему хотелось, чтобы я не пропустила ни одной судороги лица, ни одного содрогания тела. Боже, до чего тонкая душа у этого человека.

Обе руки, обнимающие Ионическое море, раздвинулись еще шире из боязни прикоснуться к нам. Мудрый Алкиной прислал сватов к нашему Телемаху, отдавал нам свою красавицу дочь с горою приданого — в надежде спасти свое царство.

Наши корсары бороздили моря от берегов Албании до известняков Циригоса и от каблука Калабрии до двойной Минойской секиры.

Все бывшие женихи стали военачальниками, работорговцами и ростовщиками. Обильные реки золота и блуда журчали в замках и казне архонтов. И освежающее журчание одного и согревающее — другого освежали и согревали даже последнюю деревенскую лачугу. Но...

Два варварских племени, Волколюди и Шакалолюди, предками которых были волки и шакалы, прорвались из своих далеких островов и лесов, с душами черными и мрачными, как и их все и острова, людоеды, как волки, хитрецы и пожиратели падали, как шакалы, и несметной лавиной ринулись друг на друга. Чтобы сожрать сушу и моря. Рыча, сжигая, терзая, приближались они к нашему мирному раю.

Первыми пришли Волки. Одним прыжком из Румелии они очутились на островах Лефкас и Кефаллиния. Вслед за ними, запыхавшись, приплыли на своих кораблях Шакалы и потребовали, чтобы Одиссей сопротивлялся. Если же он потерпит поражение, то сможет убежать, а потом они вернут его еще лучшим, чем прежде.

Одиссей хотел выдать народ Итаки Волкам, чтобы спасти трон. Только народ этого не захотел. Но моря оставались в руках Шакалов. Если бы Одиссею пришлось туго, он сел бы на корабль и удрал.

Но он не собирался бросать свой народ на произвол судьбы. Он был готов и сам воевать издалека за победу правого. А правым окажется тот, кто победит. Сам же он, естественно и честно, пойдет с победителем.

У нас не было времени для долгих размышлений. Ни покрывало Левкофеи, то есть моя ложь, не могло нам помочь, ни волшебства Кирики не успели мы пустить в ход. А своего сына Пана, которого я родила в прошлом году и которому теперь исполнилось тысяча лет, я не смогла найти. Испугавшись, он сбежал в аркадские чащи, где много желудей и диких коз.

Одиссей призвал народ Итаки защищать «священную землю родины, могилы предков, алтари богов и свободу». Это он здорово придумал!

И народ взялся за оружие и дрался как лев. Не за землю, которая ему не принадлежала; и не за предков, которых у него не было; не за богов, у которых он был пасынком, и не за чью-то свободу. Так он говорил! Он воевал за то, чтобы изгнать и чужеземных грабителей, и местных. И таким образом обрести и землю, и родину, и богов, и предков — и свою свободу.

Неблагодарный!

Народ сражался в горах и на море, а Одиссею было не до того. Он собирал пожитки. И прежде чем войско было побеждено, командиры предали его врагу. Что же оставалось делать Одиссею? Он взял казну, наши драгоценности и колоду карт; прихватил меня с Телемахом и Миртулу (старый Лаэрт приказал долго жить); взял с собою и самых верных своих соратников, сел на шакальский корабль и уехал. Мы уехали. Чтобы продол-

жать борьбу еще успешнее. До конца. Ведь мы были закваской нации. А без закваски не испечешь хлеба.

На другой день после нашего отъезда на Итаку пришли Волки. Народ заперся в домах, но архонты, военачальники и все государственные мужи с фанфарами вышли им навстречу при всех регалиях и без мечей во главе с первосвященником, прижимавшим к груди Священную Мифологию, и с девицами из аристократии позади, державшими в лилейных пальцах цветы и венки; и с ликованием и гордостью встретили победителей. «Спасителей».

Эвримах поблагодарил их за великую услугу, которую они оказали Итаке, защитив ее от Шакалов, и за великую честь называться предками греков.

Затем он поднес им на серебряном блюде ключи от государства и от казны — сколько осталось. Он передал им также все корабли, государственные арсеналы, хлеб, и масло народа, и его скот. Отдал им книги, чтобы их сожгли; школы, чтобы превратили их в тюрьмы, и все церкви, где бы народ молился, чтобы они не уходили. И все досье на мятежников.

«Спасители» назначили Эвримаха Великим Визирем. А всех архонтов — его советниками. Ни у кого из них не тронули ни имущества, ни привилегий. Их оставили в покое и в почете с их имениями, дворцами, гаремами, ценностями и контрабандой. Зато у бедноты отняли все: и последний кусок, и последний грош.

А когда Великий Визирь, сладко улыбаясь, спросил чужеземного Военачальника, сохранит ли царство свое старое название или надо снять вывеску и флаг, тот ответил:

— О витрине подумаем потом. Сейчас для меня важна суть. От дворян — помощь, от народа — покорность.

На другой же день Великий Визирь и главные архонты пустили в ход газеты, амвон и парты, чтобы внушить народу будто Волки — его спасители, а Шакалы и мятежники — враги богов и рода человеческого. И приказал ежегодно отмечать как национальный праздник тот благословенный день, когда спасители впервые появились на Итаке.

Голод, болезни и смерть косили бедноту. Деньги и чины загребали господа. И тайком сообщали нам, что стараются они для нас. Готовят нам путь к возвращению. Если в конечном итоге победителями окажутся Шакалы, то мы вернемся к себе на Итаку с их помощью; если же победят Волки, то они нас и возвратят.

Но вернемся к нашей «сказке». Приход Волков оказал чудотворное действие. На всех наших островах воцарились порядок и спокойствие. Никто носа не показывал на улицу, арба не пылила, мазут не загрязнял порты, собака не лаяла, кошка не мяукала, пахарь не косил и не жал. Люди боялись, арбы забрали Волки, а лодки — Шакалы, собак и кошек съели голодные. И хотя поля засеивались землепашцами, урожай собирали спасители, потому что они за нас воевали.

И тогда случилось такое, чего даже в сказках не бывает. Вначале горстками, а затем целыми толпами двинулся в горы народ! Опять мятеж! С топорами, с серпами, с дубинками — кто с чем мог. Они задумали освободить Родину! То есть разворовать и разорить. Кто им позволил? Нас они спросили? Или по крайней мере нашего представителя Эвримаха? Они сорвали нашу «борьбу» и наши расчеты.

Мятежники били Волков-спасителей, где только встречали. Не давали им носа высунуть из городов. Отнимали у них оружие; грабили склады, как будто эти склады принадлежали их отцам, взрывали мосты, как будто они были чужими. А во время жатвы не давали отнимать урожай у крестьян.

Отдельные мелкие отряды объединились в войско. Теперь страх уже не поднимался из городов в горы; он спускался с гор в города. Захватив какую-нибудь местность и укрепившись на ней, мятежники объявляли ее частью народного государства и называли Свободной родиной! С правительством, с парламентом, с судами, со школами. В этом государстве в поте лица трудились все, от мала до велика! (Я была страшно довольна!) У них были женщины-министры, женщины-депутаты и женщины-судьи. И женщины-бойцы с винтовками, патронными сумками и в штанах! Словом, настоящая анархия!

Боги и Волки разгневались. Они не могли вынести такого

беззакония. Волки сделались вдвойне волками, а боги — вдвойне врагами рабов.

Спасители обратились к националистам, любящим отчизну, с призывом взяться за оружие и защищать родину, могучих предков, алтари богов и свободу! Может, они и были отпетыми негодяями, но святая цель и большое вознаграждение очистили их. Вместе с бешеными Волками с еще большим бешенством били предателей наемники. Одни при помощи оружия, другие — шпионажа.

Волки, боги и патриоты поджигали деревни мятежников, вешали и убивали тех, кто попадал к ним в руки, и нередко сжигали их живьем. Тогда и мятежники стали убивать и вешать патриотов.

Шакалы только посмеивались издалека.

— Не расстраивайтесь, — утешали они нас. — Мы помогаем вам в борьбе за порядок и свободу. Нагружаем оружием суда и посылаем их вашему Визирю и Волкам, чтобы они передавали его патриотам. Мы организовали отряды патриотов и направили их в горы якобы для того, чтобы они били иноземцев, а на самом деле для того, чтобы они наносили предателям удары в спину. Мы развязали братоубийственную войну и подготавливаем таким путем свободу для благоразумных и ваше возвращение.

Мы тайком послали к мятежникам своих людей для консультаций и руководства борьбой. Точнее, чтобы они предавали мятежников.

Мы заслали тайных агентов и в штаб Волков, желая наладить с ними сотрудничество в деле подавления мятежа сегодня, чтобы завтра засиял свет правды.

Мы можем грызться с Волками в любом уголке земного шара за господство над миром. Но когда народы поднимают голову и намериваются прогнать и нас и их, мы проигрываем войну. В этом вопросе мы не враги, а союзники. Понятно?

Не писала много дней. И сейчас еще из глаз моих льются на бумагу слезы, смывая буквы... Я потеряла своего Одиссея, своего мужа! В результате бесконечных забот и недосыпаний

(он и ел много, чтобы развлечься и отдохнуть) его хватил удар. Велика могила, что приняла в свое лоно моего гиганта. Его оплакивают и друзья, и враги. И крокодилы. Я в страшном горе. Он не успел поверить мне тайну Кирки. Впрочем, и с помощью старых испытанных средств (богов, фальшивых документов, голода, тюрем) можно превращать людей в свиней!

— На четвертом году «сказка» превращается в чудо.

Третье великое племя, Неолюди, неисчислимое, как волны в океане, устремилось от северных льдов, могучее и непобедимое, и захлестнуло своими волнами страну Волков. И эти — за освобождение рабов! Как Волки и Шакалы! Только Неолюди были не хуже, потому что не просто болтали, но и поступали в соответствии с тем, что говорили.

И тогда несчастные Волки были вынуждены поспешно убраться, им надо было защищать свои логова. С Итаки они ушли так же, как и пришли: одним прыжком. Да благословит их господь! Они не желали нам зла! Пусть и их минует несчастье.

Как только Волки ушли, с гор спустились мятежники, захватили власть и провозгласили мятежное государство. Вся земля, заводы, корабли и деньги — народу! Без господ, крупных и мелких, местных и иноземных. Прямо стадо, только без пастухов!

Боги хохотали. А Шакалы еще пуще. Они продолжали шататься вокруг наших островов в ожидании, пока уйдут Волки, и сразу же, в один день, захватили их. Освободители!

Освободители потребовали, чтобы мятежники сдали оружие да разошлись «по домам» подобру-поздорову. И тогда им простится все содеянное.

Но разве те послушались! Отдать свои завоевания и власть, которую они называли Равенством! Тогда освободители, как у них и было задумано, вместе с архонтами и истинными патриотами напали на них и силою оружия и волею богов через несколько дней победили мятежников, отняли у них оружие и снова надели на них цепи, освященные временем и богами.

Вновь воцарились спокойствие, порядок и молчание, На земле, как на небе!

А когда освободители торжественно вошли в столицу, никто, за исключением немногих, но зато отборных патриотов, не вышел им навстречу. Неблагодарные!

А архонты, военачальники и государственные мужи вышли при всех своих регалиях и при мечах во главе с перво-священником, прижимавшим к груди Священную Мифологию, с фанфарами впереди и девицами из аристократии позади, державшими букеты в лилейных пальцах, и с ликованием и гордостью встретили новых победителей-освободителей.

Новый Великий Визирь, брат Эвримаха Стеномах, вручил им ключи от города и казны. И поблагодарил за ту великую услугу, которую они оказали жителям Итаки, освободив их, и за величайшую честь, которую они им оказывают, считая потомками богов и негров. Белых негров.

Со сладчайшей улыбкой на устах Великий Визирь спросил у них, останется ли за царством его прежнее название или снять вывеску и флаг? Командир освободителей ответил ему, также со сладкой улыбкой:

— Если вы не сохраните название, вывеску и флаг, что же тогда у вас останется своего?

Но Шакалы не были так наивны, чтобы на этом остановиться. Оружие, отнятое у мятежников, они отдали патриотам, чтобы те не задумываясь убивали каждого предателя: на улице, дома, в поле. И не просто убивали, а сначала пытали. Они заполонили горы отрядами вооруженных патриотов. Решили очистить горы и города от заразы.

Так они организовали междоусобицу, чтобы никогда не уходить... И не дай бог. А то будет как прежде.

Вернулась и я, Идеал, на родину, к своему народу. Архонты и патриоты встретили меня, раскрыв объятия, как пасть кита. Народ же снова заперся в домах. Все равно никуда он от меня не денется!

Ах! Если бы был жив мой лже-Одиссей! Благородный, Братолюбивый, Благодетель, Спаситель! Чтобы и он мог порадоваться.

Боги ниспошлют мне другого. И тогда мир станет еще лучше. И просторнее.

А для того чтобы мир стал просторнее и лучше, мой народ воюет ныне на краях земли. На Мертвом море; на Ниле; на Евфрате; в Тапробане; куда его посылают Шакалы. Велик мир! Велика Итака!

Теперь все мы счастливы. И господа, и народ. Наблюдая, как внизу на площади девушки из народа танцуют на празднике в честь нового порядка, я услышала новую песню:

И то душе моей отрада,
Что грудь любой из нас тайком
Нальется завтра страха ядом,
Неволи горьким молоком.

Кто сочинил эту песню? Я велела найти автора. Назначу его национальным поэтом. А его песню сделаю национальным гимном.

Великие истины рождаются из великих событий. Величайшая же истина заключается в том, что нет свободы без страха и цепей...

Жизнь прекрасна!

(На этом кончается Сказка, но всякий конец является в то же время и началом.)

Словарь мифологических имен *

АВГИЙ — элидский царь, владевший огромными стадами скота. Его скотные дворы, которые не очищались на протяжении тридцати лет, очистил за один день Геракл.

АВТОЛИК — сын Гермеса и смертной Хионы, дед Одиссея по матери.

АГАМЕМНОН — сын Атрея, владыка Микен и Аргоса, брат спартанского царя Менелая, вождь греков в Троянской войне.

АГЕЛАЙ — один из женихов Пенелопы.

АДОНИС — юноша необыкновенной красоты, сын кипрского царя Кинира.

АИД (Плутон) — 1. Властелин подземного царства. 2. Подземное царство мертвых.

АЛКИНОЙ — мудрый царь феаков, отец Навсикая.

АМАЗОНКИ — мифический народ воинственных женщин.

АМФИНОМ — жених Пенелопы.

АНТИНОЙ — жених Пенелопы.

АПОЛЛЮН (Феб) — бог света, бог-исцелитель, предводитель муз.

АРЕС (Арей) — сын Зевса и Геры, бог войны.

АРЕТУСА — дочь Нерея, нимфа, превращенная Артемидой и источник.

АРИСТА — в мифологии прозвище Деметры, или Артемиды. У К. Варналиса — повивальная бабка Телемаха.

АРКЕСИЙ — отец Лаэрта.

АРТЕМИДА — богиня-охотница.

АСКЛЕПИЙ (Эскулап) — бог-лекарь, воспитанник кентавра Хирона.

АТЛАНТ — титан. Удерживал на плечах небо.

АТРИДЫ — сыны микенского царя Атрея Агамемнон и Менелай.

АТТИС — жрец и возлюбленный фригийской богини Кибелы. В повести — Елены.

АФИНА (Паллада) — дочь Зевса, богиня наук, искусств и ремесел, оборонительной войны и благосостояния, покровительница Аттики и Афин.

АФРОДИТА — богиня красоты и любви.

АХИЛЛЕС (Ахилл) — сын фессалийского цари Нелом и морской богини Фетиды; воспитанник Хирона. Главный герой «Илиады» Гомера.

АЯКС (Эант) — один из наиболее знаменитых героев Троянской войны.

БЕЛЛЕРОФОНТ — См. Прет.

БОРЕЙ — бог северных ветров, а также название холодного ветра.

ГАЛИТЕРС — мудрый итакийский старец, друг Одиссея.

* В словаре приводятся в основном традиционные толкования мифологических имен, встречающихся в повести. Имена исторических деятелей (Архелай, Питтак и др.), а также вымышленных персонажей (лже-Одиссей, Мирто, Итифрон и др.) в словарь не вошли.

- ГАНИМЕД — сын дарданского царя Троя. За необыкновенную красоту был взят богами на небо.
- ГЕКТОР — троянский герой, старший сын Приама.
- ГЕЛИОС — бог Солнца.
- ГЕРА — старшая дочь Крона и Реи, супруга Зевса.
- ГЕРАКЛ (Геркулес) — герой, сын Зевса и смертной Алкмены. По приказанию микенского царя Эврисфея совершил двенадцать знаменитых подвигов.
- ГЕРМЕС — бог скотоводства, торговли и ремесленничества; вестник богов и покровитель путешественников, купцов и т. п.; проводник душ умерших в Аид.
- ГЕРМИОНА — дочь Елены и Менелая.
- ГЕСПЕРИДЫ — дочери Геспера, хранительницы золотых яблок.
- ГЕСТИЯ — богиня домашнего очага, дочь Крона и Реи.
- ГЕФЕСТ — хромой бог огня и кузнечного ремесла.
- ГЕЯ — богиня Земли.
- ГИГ — см. Кандавл.
- ГИМЕНЕЙ — бог брака.
- ГИПЕРБОРЕИ — мифический народ, обитавший на краю земли.
- ГИПНОС — сын Никты (Ночи) и Танатоса (Смерти), персонификация сна.
- ГОРГОНА МЕДУЗА — женоподобное чудовище со змеями вместо волос, взгляд которого превращал в камень всех смотревших на него. Отрубленная Персеем голова Медузы была прикреплена к щиту Афины.
- ДАМАСТОР — отец Агелая.
- ДАНАЯ — мать Персея; родила его от Зевса, явившегося ей в виде золотого дождя.
- ДЕВКАЛИОН — 1. Царь фессалийского города Фтии, сын Прометея.
2. Сын критского царя Миноса и Пасифаи.
- ДЕДАЛ — в мифологии легендарный строитель и художник (у К. Варна- лиса — раб с Крита).
- ДЕМОПТОЛЕМ — жених Пенелопы.
- ДИОМЕД — участник Троянского похода.
- ДИОНИС — бог растительности, виноградарства и виноделия.
- ДИОСКУРЫ — сыны-близнецы Зевса Полидевк и Кастор. Освободили и вернули в Спарту похищенную Тесеем свою сестру Елену.
- ДОЛИЙ — старец, советчик Пенелопы.
- ЕЛЕНА — дочь Зевса и Леды, супруга Менелая. Похищение ее Парисом явилось причиной Троянской войны.
- ЕХИДНА — страшный демон, полуженщина-полузмея.
- ЗЕВС — верховный бог в сонме греческих богов.
- ИКАРИЙ — брат Тиндарея, отец Пенелопы.
- ИППОЛИТ — сын афинского царя Тесея. Его мачеха Федра оклеветала пасынка перед отцом. Тесей попросил Посейдона наказать Ипполи- та. Когда тот ехал по побережью на колеснице, Посейдон выслал

из моря быка. Лошади испугались, сбросили юношу на землю, и он погиб.

ИФИГЕНИЯ — дочь Агамемнона и Артемиды (вариант: Тесея и Елены); см. Агамемнон.

КАДМ — мифический основатель Фив, отец Левкофеи.

КАНДАВЛ — царь Лидии, показавший своему приятелю Гигу жену обнаженной. Оскорбленная царица предложила Гигу заплатить жизнью за дерзость или же убить Кандавла и жениться на ней. Гиг убил своего друга и стал владыкой Лидии.

КАССАНДРА — дочь Приама. Пренебрегла любовью Аполлона, наделившего ее даром прорицания, и бог сделал так, что ее прорицаниям никто не верил.

КЕФАЛ (Цефал) — охотник, которого полюбила и взяла на небо Эос.

КИРКА (Киркея, Цирцея) — волшебница, дочь Гелиоса, сестра Ээта.

КЛИТЕМНЕСТРА — супруга Агамемнона, сестра Елены.

КОРИБАНТЫ — жрецы фригийской богини Кибелы.

КРЕТЕИДА — nereида, по одной из версий — мать Гомера.

КРОН (Кронос) — один из титанов, которых Гея родила от Урана.

ЛАЭРТ — отец Одиссея.

ЛЕВКОФЕЯ (Левкофея) — морская богиня, в которую обернулась дочь Кадма Ино; у Гомера — во время шторма подала Одиссею волшебное покрывало, спасшее его от потопления.

ЛЕОДИЙ (Леод) — сын Ойнопа; прорицатель и один из женихов Пенелопы.

ЛЕОКРИТ — жених Пенелопы.

ЛЕСТРИГОНЫ — людоеды, с которыми встретился Одиссей во время своего путешествия.

МАЙЯ — одна из плеяд, семи дочерей Атланта и океаниды Плейоны, превращенных в созвездие Плеяд; мать Гермеса.

МЕГЕС — царь Эхинадских островов в Ионическом море. У К. Варналиса — царь одного из Эхинадских островов — Петаласа.

МЕДЕЯ — волшебница, дочь Ээта, племянница Кирки.

МЕЛАНТИЙ — сын Долия, пастух.

МЕЛЕТ — бог реки Мелета, по одной из версий — отец Гомера.

МЕНАДЫ — исступленные спутницы Диониса.

МЕНЕЛАЙ — сын Атрея, младший брат Агамемнона, царь Спарты. Когда Парис похитил его жену Елену, Менелай призвал ахейцев в поход на Троию.

МЕНТОР — друг Одиссея; отправляясь в Троянский поход, Одиссей поручил ему присматривать за домом и воспитывать Телемаха. Желая помочь Одиссею или Телемаху, Афина иногда принимала образ Ментора.

МИНОС — царь Крита.

МИНОТАВР — чудовище с человеческим туловищем и головой быка, обитавшее на Крите в построенном Дедалом лабиринте.

НАВСИКАЯ — дочь Алкиноя; в послегомеровских мифах — супруга Телемаха.

- НЕРЕИДЫ — нимфы моря, дочери морского бога Нерея.
- НЕСТОР — пилосский царь, мудрый старец.
- НИКА — богиня победы.
- НИМФЫ — многочисленные полубогини, персонифицировавшие силы природы.
- НИС — мегарский царь, отец Амфинома.
- НОТ — бог южных ветров.
- ОКЕАН — мифическая река, омывающая землю.
- ОДИССЕЙ — сын Лаэрта и Антиклеи, царь Итаки, муж Пенелопы, участник Троянской войны. Прославился храбростью, предприимчивостью, хитростью и умом. Возвращаясь на родину после падения Трои, пережил множество приключений. Герой «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.
- ОЙНОП — отец Леодия, жених Пенелопы.
- ОРФЕЙ — фракийский певец и музыкант. Игра Орфея на лире заставляла деревья склонять ветви, укрощала диких зверей и т. п.
- ПАЛЛАДА — см. Афина.
- ПАН — аркадский бог лесов и рощ. Народная этимология выводит происхождение имени Пан от греческого слова «пан» — все, всё (ср. «панамериканский» и др.).
- ПАРИС — троянский царевич, сын Приама (см. Елена).
- ПАСИФАЯ — супруга критского царя Миноса. Дочь Гелиоса.
- ПЕГАС — волшебный конь, родившийся из крови убитой Персеем горгоны Медузы.
- ПЕЛЕЙ — фессалийский царь, отец Ахилла.
- ПЕНЕЛОПА — супруга Одиссея, мать Телемаха. В мифологии и античной литературе — идеал супружеской верности и благородства, хотя существовала версия, по которой Пенелопа в отсутствие Одиссея изменяла ему (с Гермесом, Зевсом, женихами).
- ПЕРИБЕЯ — нимфа, супруга Икария, мать Пенелопы.
- ПЕРСА — супруга Гелиоса, мать Кирки, Пасифаи и др.
- ПЕРСЕЙ — герой аргосских мифов. Добыл голову горгоны Медузы.
- ПИСАНДР — жених Пенелопы.
- ПЛЕЯДЫ — см. Майя.
- ПЛУТОН — см. Аид.
- ПОЛИБ — отец Эвримаха, один из женихов Пенелопы.
- ПОЛИКАСТА — дочь Нестора.
- ПОЛИКСО — супруга родосского царя Глеполема.
- ПОЛИКТОР — отец Писандра.
- ПОЛИТЕРС — отец Хтесиппа.
- ПОСЕЙДОН — бог морей.
- ПРЕТ — царь Аргolidy. Жена Прета Сфенобея после неудачных попыток соблазнить Беллерофонта оклеветала его.
- ПРИАМ — последний царь Трои.
- ПРОМЕТЕЙ — титан, похитивший с Олимпа огонь для людей, за что

- Зевс приказал приковать его к скале в горах Кавказа, а орлу — каждый день клевать его печень.
- ПРОТЕЙ — подчиненный Посейдону морской старец.
- РАДАМАНТ — один из трех судей в подземном царстве.
- РЕЯ — богиня, жена Крона, мать Зевса, Посейдона, Аида и др.
- СИВИЛЛА — легендарная прорицательница.
- СИЗИФ — коринфский царь. В наказание за его бесчинства боги заставили Сизифа в подземном царстве вечно вкатывать на гору тяжелый камень, который сразу же падал вниз.
- СТЕНОМАХ — брат Эвримаха.
- СФЕНОБЕЯ (Стенобея) — супруга Прета; см. Прет.
- ТАРТАР — глубочайшие недра земли, преисподняя.
- ТЕВКР — первый царь Трои.
- ТЕЛЕБОИ — воинственное морское племя на острове Таφος.
- ТЕЛЕГОН — сын Одиссея и Кирки. По совету матери отправился разыскивать отца. Прибыв на Итаку, по недоразумению убил Одиссея. По одному из вариантов мифа Телегон женился на Пенелопе.
- ТЕЛЕМАХ — сын Одиссея и Пенелопы.
- ТЕРСИТ — в «Илиаде» Гомера простой греческий воин, осмелившийся вступить в спор с Агамемноном и другими вождями на собрании ахейцев под стенами Трои, за что был избит Одиссеем. Гомер изобразил Терсита безобразным, коварным человеком. У К. Варна-лиса Терсит — положительный герой, воплощение свободолюбия и непокорности.
- ТЕСЕЙ — аттический герой, сын афинского царя, муж Федры. Известность и славу принесла ему победа над Минотавром.
- ТИДЕЙ — отец Диомеда.
- ТИНДАРЕЙ — спартанский царь, муж Леды, отец Клитемнестры, Елены и др.; дядя Пенелопы.
- ТЛЕПОЛЕМ — родосский царь, сын Геракла, муж Поликсо.
- ТРИТОН — морской демон, сын Посейдона и Амфитриты.
- ФЕБ — см. Аполлон.
- ФЕДРА — дочь Миноса и Пасифаи; см. Ипполит.
- ФЕМИЙ — певец на Итаке, воспетый в «Одиссее» Гомера.
- ФЕМИДА — богиня правосудия, законопорядка и предсказаний. Объявляет людям предсказания и веления Зевса.
- ФИЛОКТЕТ — царь Мелибеи, участвовал в Троянском походе.
- ХАОС — бездна, первоначальная смесь элементов, породившая все сущее.
- ХАРИТЫ — богини юности, красоты и радости, воплощение женского обаяния.
- ХИМЕРА — чудовище с головой льва, туловищем козы, хвостом дракона.
- ХТЕСИПП — жених Пенелопы.
- ЦЕРБЕР (Кербер) — свирепый трехголовый пес, охранявший выход из подземного царства мертвых.
- ЭАК — сын Зевса, отец Пелея и Телемона, дед Ахилла и Аякса.
- ЭВЕНОР — отец Леокрита, одного из женихов Пенелопы.

- ЭВМЕЙ — свинопас, верный слуга Одиссея.
- ЭВПЕЙТ — отец Антиноя.
- ЭВРИАД — жених Пенелопы.
- ЭВРИАЛ — сын Одиссея от Эвиппы, дочери эпирского царя Тириманта.
У К. Варналиса — кормчий Одиссея, отправившийся с первой группой путешественников к волшебнице Кирке. В мифологии это был Эврилох.
- ЭВРИКЛЕЯ — кормилица Одиссея и Телемаха.
- ЭВРИМАХ — сын Полиба, жених Пенелопы.
- ЭДИП — царь Фив, которому было суждено убить своего отца Лая и жениться на своей матери Иокасте. Узнав много лет спустя об этих совершенных по неведению злодеяниях, Эдип ослепил себя.
- ЭЙДОТЕЯ — дочь морского старца Протея.
- ЭЛАТ — жених Пенелопы.
- ЭЛЕКТРА — дочь Агамемнона и Клитемнестры.
- ЭНДИМИОН — красавец, в которого влюбилась богиня Луны Селена (вариант: Артемида).
- ЭНКЕЛАД — один из гигантов, сын Тартара и Гея.
- ЭОС — сестра Гелиоса (Солнца) и Селены (Луны), персонификация рассвета.
- ЭРИДА — богиня раздора.
- ЭРИМАНФСКИЙ ВЕПРЬ — дикий кабан, живший в Аркадии на горе Эриманф и опустошавший окрестности.
- ЭРОТ (Эрос) — бог любви, рожденный Хаосом и Геей.
- ЭЭТ — царь мифической страны Эи, отождествлявшейся с Колхидой.

Содержание

- 5 *Виктор Соколюк*. Пенелопа в зеркале сатиры
- 13 Дневник Пенелопы
- 120 *Виктор Соколюк*. Словарь мифологических имен

КОСТАС ВАРНАЛИС

ДНЕВНИК ПЕНЕЛОПЫ

Ответственный за выпуск *В. Перехватов*

Редактор *А. Николаевская*

Обложка художника *В. Бисенгалиева*

Художественный редактор *Л. Филиппова*

Технический редактор *Г. Голосовская*

Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 733

Сдано в набор 09.11.82. Подписано в печать 15.02.83. Формат 70x100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,2. Уч.-изд. л. 6,02. Тираж 50 000 экз. Зак. № 1066. Цена 70 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР». 103791, г. Москва, Пушкинская пл., 5

Можайский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 143200,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Дорогие читатели!

*Ждем ваших отзывов
о библиотечке
журнала
«Иностранная литература».*

Наш адрес: 109017, Москва, Пятницкая ул., 41.

КОСТАС ВАРНАЛИС (1884—1974) — видный греческий писатель, лауреат Международной Ленинской премии "За укрепление мира между народами", автор ряда поэтических книг, сатирических повестей, сборников политических памфлетов, литературно-критических эссе, ознаменовавших начало революционного этапа в развитии новогреческой литературы. К. Варналис не раз подвергался преследованиям со стороны властей, но ни тюрьмы, ни ссылки не смогли сломить его веры в правоту дела, за которое сражался его народ. "Дневник Пенелопы" был создан Варналисом в самый мрачный период итало-германской оккупации Греции. Это — едкая сатира, в которой читатель наверняка найдет интонации, сходные с язвительными интонациями Дж. Свифта и А. Франса, но вместе с тем это произведение глубоко национальное, проникнутое любовью к истории.